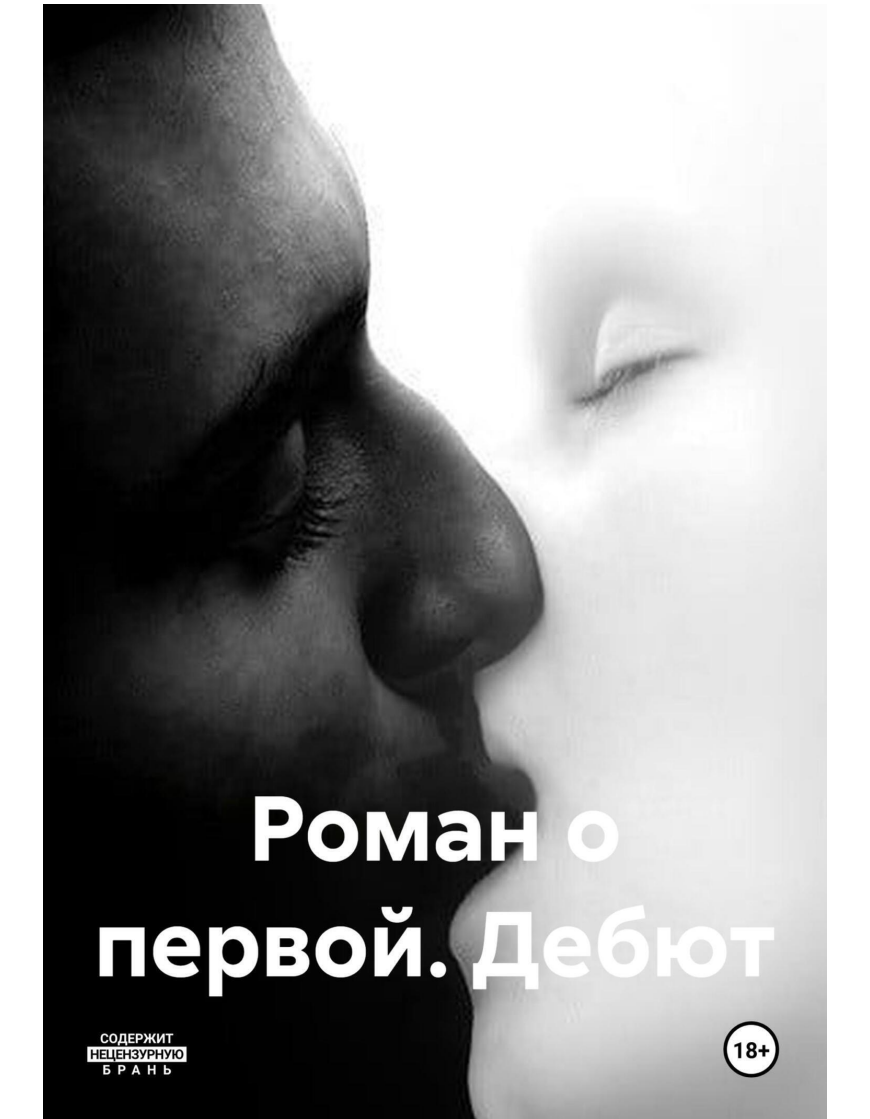

A high-contrast, black and white close-up photograph of a man and a woman. The man's face is in the foreground, in deep shadow, with his eyes closed. The woman's face is in the background, softly lit, also with her eyes closed. Their faces are positioned as if they are about to kiss, creating a romantic and intimate atmosphere.

Роман о первой. Дебют

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Мастерских

Роман о первой. Дебют

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72291019

SelfPub; 2025

Аннотация

«Дебют» – начало приятельского рассказа Героя о желаниях и стремлениях, свалившихся на него в юности. Трудно устоять под тяжестью навязанных догм и сохранить своё Я, когда ты молод.

Рождение дружбы, первый сексуальный опыт, одиночество – грани в житейском многоугольнике. А разнообразие красок и ощущений от настоящего чувства, наверное самое притягательное в этой истории. У каждого свой путь проб и ошибок. «Багаж», порою тяжёл и нелюбим, но это и есть – ЖИЗНЬ...

Олег Мастерских

Роман о первой. Дебют

ПРОЛОГ.

Книги, словно бравые солдаты, развёрнутые в боевые порядки, «сверкающие» пёстрыми мундирами-корешками, молча взирали на меня из-за узких щелей-бойниц старинного книжного шкафа. Молчаливые свидетели, верные хранители историй, некогда – глубоко почитаемые артефакты ушедшего времени. Я медленно, бережно ухватив резную, покрытую патиной бронзовую ручку, открываю сверкнувшую лаком высокую створку. С забытым, щемящим сердце чувством детского восторга, вдыхаю ничуть не изменившийся за долгие годы запах домашней библиотеки.

Бегло пройдясь взглядом по стройным рядам «воинов», цепляюсь за выбившийся из строя книжный торец, укрытый, словно школьная тетрадь, полиэтиленовой обложкой. Руки, потерявшие прямую связь с центром принятия решений, сами собой потянулись к укрывшейся под помутневшей от времени накидкой книге. Пальцы коснулись широкого корешка, и, слегка упираясь прикипевшими от времени к «товаркам» створками, книга двинулась ко мне навстречу.

Освободив от пластика переплёт цвета обласканного сол-

нечными лучами песка, я погладил свободной ладонью шершавую лицевую створку, с неожиданной нежностью пройдясь подушечками пальцев по вдавленной поверхности тиснёного названия.

Роман Александра Дюма-отца «Три мушкетёра», завершённый в 1844 году и впервые опубликованный на страницах парижской газеты Le Siècle с 14 марта по 11 июля, — одно из самых знаковых произведений в мировой литературе, покорившее немалое количество мальчишеских сердец. Именно с этой книги началось моё возмужание, осмысленное взросление, становление личности.

Повертев в руках увесистый том, я открыл его.

Огромные серые глаза, выющиеся каштановые волосы, вздёрнутый от лёгкой иронии нос и прекрасная шея, зовущая к подвигам юного шестнадцатилетнего повесу. Образ чудесной девушки в одно мгновение вспыхнул в моей голове, лишь только взгляд коснулся пары аккуратных строк, оставленных ею на слегка пожелтевшем форзаце, оживляя затёртые временем, но, как оказалось, никуда не пропавшие чувства.

«Поздравляю тебя с днём рождения!

Я ОЧЕНЬ рада, что ты есть в моей жизни.

ТВОЯ Ксюша».

Как иногда странно, необъяснимо, волнующе и прекрасно настоящее чувство! Старая, забытая в семейной библиоте-

ке книга с незамеченной мной когда-то давно надписью окунает взрослого, уже совершенно седого «динозавра» в бурный омут воспоминаний. Она явилась мне словно найденный случайно личный дневник, забытый в ящике стола, в родительском доме, очень и очень давно. Перебирая страницы, я вдруг увидел фотографическую карточку, вложенную в пожелтевшие страницы и казавшуюся мне бесследно утерянной.

Её фотография...

Глянцевый прямоугольник, пресловутое фото 9х12 сантиметров, сделанное в фотоателье центрального «Дома быта» родного города в конце 80-х годов прошлого столетия. Юная, улыбающаяся, очень красивая девушка – миниатюрная картинка, всемогущая икона, прибывшая на моё двадцатилетие в почтовом конверте с номером ВЧ вместо адреса получателя.

Вот оно – это фото. Плотный глянцевый листок мирно приютился в самой середине подаренной ЕЮ книги. Я смотрю на снимок, и в груди нарастает вязкий поток из прошлого, давя изнутри, затрудняя дыхание.

Память, словно дрянной рассказ, постоянно перескакивает от одного события к другому, не давая читателю увлечься сюжетом, цепляясь за образы и фразы. Быть может, прошлое – единственное, что уже никогда нас не покинет, бурля и обжигая яркой магмой под каменеющей коркой сиюми-

нутной безразличности.

Глава 1

Начну с того, что я почти не помню своего детства. Нет, некоторые детали, даже десяток историй, всё же отложились в голове, словно добротные вешки, расставленные матёрым охотником вдоль трудного участка таёжной топи. Но вот связно описать сей отрезок моей жизни не могу, хотя и пытался.

Я стеснялся собственной внешности, считая себя некрасивым, даже безобразным. Всё в моём теле протестовало против арифметической симметрии: необычайная худоба, граничащая с дистрофией, тонкая шея в голубых прожилках вен под полупрозрачной кожей и крупная голова с узким чалдоно-латышским прищуром глаз, топорщащиеся перпендикулярно ей уши.

Первенец в молодой семье родителей, ещё не успевших опереться, волею судеб оказавшихся в чужом городе без поддержки, образования и средств, стал для двадцатидвухлетней мамы и девятнадцатилетнего отца настоящим испытанием, что, в моём представлении, безусловно, повлияло на психологическое и телесное здоровье ребёнка.

Я часто болел. Двусторонний рубцовый отит и фолликулярная ангина, поочерёдно одолевавшие мой организм, приучили тощего пациента к терпению и боли. Едва я восстанавливался после недельной горячечной лёжки и литров йодно-солевых полосканий, как тут же оказывался прижатым

к подушке носком, набитым нагретой на сковородке солью.

Изгоем в шумном детском и барачном коммунальном коллективе я не стал, посильно вплетаясь в полукриминальные игры местного юного сообщества, скорее, как пособник в приготовлениях и искусный рассказчик в следующем после исполнения разборе проделок.

Во многих странах нулевой километр отмечен особым знаком в центре столицы. В вечном городе Риме (родоначальнике сей выдумки) был установлен золотой мильный камень. *Milliarium Aureum* представлял собой колонну из позолоченной бронзы на римском форуме. Знак был возведен по приказу императора Августа в 20 году до н. э. Прежде на колонне были отмечены названия столиц провинций Римской империи и расстояния от Рима до них. Ну, наверняка вы помните крылатое выражение: «Все дороги ведут в Рим», так вот – это о нулевом километре.

К чему я это?

В моём родном городе, удачно «оседлавшем» слияние двух степных рек, покрытые золотом колонны устанавливать не стали, побоявшись притягательного сияния, наверное (полагаю) не без оснований, ведь с самого своего появления и по сей день наш уездный город является крупнейшим приютом сидельцев в галактике (в его административных границах размещены двенадцать исправительных колоний, две тюрьмы и один пересыльный центр). Но, как и в других городах, лишённых своих мильных камней, нулевой ки-

лометр принято было определять от здания Главного почтамта.

А наш двухэтажный деревянный барак, построенный для работников силовых структур в последний год жизни Отца всех народов, как раз и разместился в самом центре уездного города, в двух шагах от Главного почтамта. Бревенчатое строение, являвшееся моим домом, собрало под своей крышей весьма разночинную публику. Дети, населявшие оба подъезда, обладая достаточным простором для игр, включая обширный двор, зажатый между окнами первого этажа и длинным рядом дощатых сараев, скрывающих за хлипкими дверями всё то, что не умещалось в комнатах-клетках своих хозяев, в то время ещё не сильно ощущали на себе все прелести классового отличия.

К двору прилегало ещё более широкое пространство детского сада, постройки того же времени, что и барак, но покинутое детворой и воспитателями в связи с особой ветхостью своей прогнившей деревянной конструкции. Надеюсь, не нужно объяснять, что всё это пространство, включая покосившееся, но всё ещё пригодное для детских игр здание, было захвачено малолетними разбойниками.

В этих дворах и прилегающих к ним улицах в основном и проходили свободные от школы и болезней минуты, часы, дни...

Начальная школа запомнилась престарелой учительницей

и насаждаемым ею чистописанием с использованием перьевых ручек и промокашек. Грязь и ужас. В конце третьего класса я отличился, закатив глаза при общем фотографировании на выпускном, из-за чего на большом и дорогом чёрно-белом снимке класса в самой его середине появилось два серьёзных просвета, заставляющие зрителя вглядываться в лопоухого мальчишку с бельмами вместо глаз. Было весело, пока я не получил прилюдную выволочку с приглашением в класс моих родителей. С тех пор не люблю фотографироваться.

К десяти годам я выбрал для себя приемлемую схему поведения, я стал «человеком-невидимкой», плавно обтекающим любые препятствия. Из-за частых болезней «хорошизм» в учёбе мне не грозил, но и скатиться в отстающие моя прекрасная память мне не позволила.

Кто-то скажет: «А как же родители?»

Не помню, с какого именно момента я начал «обтекать» и их, возможно – это стало нормой после появления в нашем коммунальном закутке моего младшего брата Кости, мне тогда только исполнилось пять. (Юнг рулит!)

Я практически был предоставлен самому себе. В собственном невидимом мире я раскрашивал окружающих меня людей, пространство, вещи в известные только мне краски, выдумывая всему, к чему я прикасался невидимой кистью, собственные имена и названия. Разбитый старый ЛИАЗ под номером 34, ползающий по маршруту кинотеатр

«Художественный» – «Сады», верный Росинант, таскавший сотню дачников из центра к шести заветным соткам-кормилицам, нарезанным на окраине города, был наречён мной «Катобусом», а учитель физики Лилия Александровна – «Рентгеном» за отличное умение определять степень наполнения учеников знаниями её предмета. Это было прекрасное чувство – магия внутреннего созидания.

Возможность существования в различных мирах, наверное, есть у каждого человека, хотя полной уверенности в этом у меня нет. Впрочем, ночной мир иногда всё же даёт возможность всем желающим прикоснуться к этой магии, но об этом мы с вами поговорим в другое время. (Возможно, люди найдут когда-нибудь способ общаться друг с другом во сне.)

Но далеко не всё в моей школьной жизни было серым и безмянным. История и математика по-настоящему мне нравились. История – своей невероятной способностью к нелогичности, а самая точная наука – восхищала сказочной красотой своих законов и идеальной стройностью вычислений. Я думаю, так же и теперь.

Закончился пятый класс, и заметно усилился гендерный разлом между препубертатными одноклассниками. Девчонки становились девицами, а пацаны – безбашенными «оленьями» в преддверии брачных игр. Мне было одиннадцать, и удлинившаяся щедедушность моего тельца показалась бо-

лее крупным классным забиякам отличным способом доказать правомерность ношения зарождающихся пантов (просьба не путать с понтами).

Драки как таковой не случилось. Мне достался игристый пендель, ловко отвешенный рыжим Андрюхой Ручкиным по моей костлявой пятой точке. Действие происходило в присутствии немалой части класса и заставило меня впервые задуматься о собственной физической немощи. «Человек-невидимка» уже не мог проскальзывать сквозь препятствия. Требовалось решение.

Выбор пал на классическую борьбу (ныне греко-римскую).

Мне очень повезло с тренером. Бог весть, что он разглядел в тощем и угловатом мальчугане, но уже через год я принимал участие в своём первом турнире (провалился, конечно, вылетев после второго поединка, но в первом-то я победил). Соревнования проходили в День Победы, а 25-го мая, после школьной линейки, «великий Ярыгин» из шестого класса выходом в ноги провёл блестящий бросок прогибом попытавшемуся по привычке скрестить подростские за год панты с таким уже знакомым «задохликом».

Я до сих пор помню боязливое удивление одноклассников и уважение в их глазах...

Шло время. Огрубел голос, появились и окрепли мышцы, изменилась походка и осанка. Я стал как взведённая стальная пружина, готовый в любой момент взорваться, покоряя

притяжение и внешнее сопротивление. Ежедневные много-часовые тренировки в клубе борьбы продолжались во дворе дома без выходных и оглядки на погоду. Росли веса гирь и результаты соревнований. Я совершенно забыл о болезнях.

Моя физическая оболочка обрела симметрию, словно законченные математические уравнения в голове учёного гения. Былая немощь и неуклюжесть забыты, настало «благодатное» время гимнаста-шута.

Сколько умных, заезженных фраз и целых опусов было выдано на-гора за тысячелетия человеческой цивилизации, посвященных умственным способностям подрастающего поколения? Сколько историй и научных трудов написано седыми мужами? Итог один: выход из детства – то, что многие называют возмужанием, возможен лишь при глубокой трансформации личного опыта, включая сексуальный опыт.

В моём дворовом детстве существовало строгое разделение – взрывной самострельный кластер пацанов и презрительно-кукольный мирок девчонок, где дружба между ними (не говоря уже о влюблённости) даже не озвучивалась. Ну с кем здесь дружить? С напыщенными одноклассниками? С дурами-сверстницами-соседками? Да и болезненная немощь детских лет, презрение к собственному облику накладывала на меня весьма неоднозначную психологическую тень. Всё моё общение с противоположным полом тогда сводилось к прикладным вопросам в крайне редких бытовых стычках.

Но волшебные перемены в моём облике волшебнo же повлияли на характер и поведение, отменив боязливую скованность в межполовых отношениях. Эта функция стала доступна!

Ничего не меняется в этом мире. Выверенные формы, как и уродство, испокон веков привлекают взгляды людей. Трансформация тела из убогого гадкого утёнка в спортивного вида юношу нарушила мой глубоко скрывае́мый внутренний мир. Форма, обращающая на себя внимание, меняет юное внутреннее устройство, обязывает её владельца к действию, требует ответной взаимности, ускоряет время.

Я стал физически ощущать такое внимание, поначалу шаляхась от взглядов и жестов, от непонятных (сперва) желаний заговорить со мной, относя всё учащающиеся контакты к выверенной случайности. Все эти «случайности» я воспринимал как театральную сценку, в которой главный герой волею режиссера был лишён голоса, и потому обращенные к нему фразы чаще всего оставались без ответа, а если и достаивались отклика, то только в виде нелепого лепетания в сопровождении рубленых и неестественно механических жестов.

Спасло, как и всегда, воображение и любовь к истории. Я стал применять свою магическую кисть, каждый раз окуная её в проверенные краски, саморучно приготовленные долгим смешиванием цветов на заранее припасённом внутрен-

нем мольберте.

Я страстно отзывался на любое обращение, внимательно разглядывая и выслушивая собеседника. Спорил, дарил или праздновал победы в баталиях, договаривался о встречах, раздавал ничем не оправданные реверансы и вручал уличные цветочные клумбы. Я был счастлив. Я стал видим.

Появились друзья. Небольшой трест (в три учредителя) держался на любви к спорту, компактности проживания и почти полной дополняемости друг друга.

Два Алекса были почти на год младше меня. Но правильное питание, спортивный режим и парное каноэ, в котором они проводили всё своё свободное время, сделали этих парней настоящими атлетами, на фоне коих я со своим средним весом казался младшим братом. Но моё магическое умение – найти подход к любой заинтересовавшей нас даме – было воспринято атлетами как Божий дар, и все свободные вечера мы проводили вместе.

Интересен и сам момент знакомства с этой парой, хотя с Алексом №2 я познакомился скорее автоматически уже после знакомства с Алексом №1 (был представлен многолетнему коллеге по лодке и веслу как приличный чел). А случилось наше знакомство так.

Глава 2

В эпоху Средневековья женщин с огненным цветом волос называли ведьмами и сжигали на кострах. Позже их признавали то божьими избранницами, то приспешницами дьяво-

ла. Рыжеволосые люди – люди с самым редким цветом волос, их всего 2% населения Земли. В эпоху Возрождения отношение к рыжим изменилось: на полотнах многих великих художников самые прекрасные женщины изображены рыжеволосыми. (Историческая справка).

– Ты кто? – попытавшись придавить меня к забору, начал он ломающимся, скользящим в диапазоне бас-фальцет голосом. – Ты откуда взялся? Танцор ё...й.

И, намереваясь просто снести меня своей массой, здоровяк ринулся вперёд, заметив мою попытку уйти с траектории готового к старту «болида». Поняв, что отступить не удастся, я тут же присел, заставив разогнавшегося противника, не сумевшего вовремя сориентироваться в тёмном пространстве призаборья, споткнуться, встретив ногами моё тело, принявшее положение валуна на дороге. Здоровяк, крикнув, взлетел, на мгновение воспарив надо мной, нарушая все возможные физические законы. Не успев сгруппироваться, «болид» плашмя рухнул в невысокие кусты, немного смягчившие силу падения массивного тела.

В этот год я закончил школу и был на первом своём серьёзном распутье. Родители очень хотели увидеть старшего сына в новенькой, с иголочки военной форме и поэтому настаивали на поступлении в Суворовское училище. Как говорится – одет, обут и на семь ближайших лет занят. Слава

Небесам, что я не прошёл по высоким армейским стандартам (подвела массивная медицинская история моих хронических заболеваний, что, в свою очередь, не помешало мне получить первый взрослый разряд).

Мой тренер настаивал на переходе в школу Олимпийского резерва, ссылаясь на упускаемое время, возможность после поступить в институт физкультуры и, что немаловажно, доступ к складу экипировки и проживанию в общежитии с трёхразовым специальным питанием.

Я выбрал транспортный техникум. Меня всегда тянуло к автомобилям, а профессия инженера-эксплуатационника в купе с профессиональными правами уже через два года сделали мой выбор простым и понятным.

Экзамены оказались странными. Бог весть, на что я надеялся, будучи совершенно безграмотным учеником, так и не освоившим за восемь школьных лет простейшие правила правописания. Спасла меня любовь к математике.

Техникум был с хорошей базой, сильным преподавательским составом и пользовался заслуженным вниманием абитуриентов не только нашего города. Поэтому число желающих учиться в нём в два, а то и в три раза превышало количество мест в учебных группах. Точные науки в техническом учебном заведении логично ставились во главу угла, что и позволило мне, получив на первом экзамене: Математика – Отлично +++, надеяться на поступление.

Но русский я завалил, сделав в сочинении ДВЕНАДЦАТЬ

различных ошибок. И только милость преподавателя, отметившего мои успехи на прошлом экзамене (или же сказалось то, что она была матерью моего одноклассника), позволила мне поступить со средним баллом 4:

МАТЕМАТИКА – 5.

РУССКИЙ/ЛИТЕРАТУРА 3/4.

На ближайшие четыре с половиной года я был пристроен. Теперь можно и отдохнуть, ну, скажем, сгонять на сезон в спортлагерь.

Закинув за спину потёртую блекло-синюю сумку-банан с клубным скарбом, я медленно шёл в сторону стадиона «ДИНАМО», где в одном из приземистых строений разместился, без преувеличения, легендарный борцовский клуб, почитаемый любым мало-мальски знакомым со спортом горожанином, начиная с мелкого дворового пацана, кончая заматерелым серошинельным милицейским опером.

– Ну и долго ты будешь кружить вокруг моего дома? – раздался звонкий девичий голос, заставивший меня вынырнуть из каких-то размышлений.

– Ходит, тоску наводит, – закончила невысокая миловидная девчонка с ярко-рыжими, словно огненные всполохи, локонами, дождавшись, когда я обернусь.

– Мадам, я не имел чести быть вам представленным, – тут же начал я свою обычную клоунскую эскападу. – Князь Милорадович!

И, щёлкнув со всей дури каблуками, склонил в буффонад-

ном поклоне голову.

— Забавно, ни разу не видела живых князей, — отозвалась с улыбкой девушка. — А я Оксана. Судя по вашей фамилии, князь, вы не местный?

— Так точно, милая дама, мой Род идёт от сербского цесаря Хрели Охмукевича, сподвижника трёх сербских королей: Милутина Грозного, Дечанского и Душана Сильного. При короле Милутине властитель Хреля носил титул севастократа и владел областью, огибающей среднее течение реки Стримона, — отчеканил я давно припасённую историю, рассматривая эту улыбчивую зеленоглазую девчонку, примерно годом моложе меня.

— Как забавно, — ничуть не смущаясь моих оценивающих взглядов, заговорила она. — Одно из значений имени Оксана — чужестранка. Так что мы оба, сударь, чужие в этом городе, так может судьба свела нас, чтобы мы не были одиноки на чужбине?

Я так и не дошёл до клуба в этот день. Мы долго бродили в его окрестностях, разговаривая и раскидывая залежи тополиного пуха, осевшего в городских парках в неопишемом количестве. Оказалось, что мы учились в одной школе, но из-за того, что девушка была классом младше, наши смены не совпадали и мы практически не встречались ни в холлах на переменах, ни в буфете во время обеда. Так иногда бывает.

– А я вот тебя давно заметила, – слегка смутившись, словно выдав военную тайну, произнесла Оксана. – Ещё с прошлого года, ты ровно в 13:10 в субботу и воскресенье выходишь из восточных ворот стадиона. Такой смешной, взъерошенный и уставший.

– Следишь за мной? – без особого интереса спросил я.

– Слежу, – чуть помедлив, подтвердила она.

Мы немного помолчали, найдя предлог в виде прилипших к одежде пушинок, чтобы не продолжать зашедший в скользкие сели разговор.

– А у меня завтра день рождения, – решив сменить тему, выпалила она, с азартом шпица уставившись на меня словно на резиновый мячик. – И вы, дорогой мой князь, приглашены. И даже не смейте отпираться, иначе я очень на вас обижусь.

– Начало в шесть вечера, квартира шестнадцать, третий этаж, – выпалила она на одном дыхании и, резко развернувшись на каблуках, ринулась в сторону незаметной железной калитки уютного придомового палисада, опоясывающего небольшой трёхэтажный кирпичный дом, фасадом выходящим на двери моего спортивного клуба.

– Подарков не надо, – распахнув калитку, крикнула она мне и, заходя во двор, уже тише добавила. – Мой подарок – это ты.

Следующий день пронёсся привычно скоро. Подъём, зарядка, завтрак, пробежка до клуба на утреннюю тренировку,

поездка в спорт-интернат (пришло время замены борцовок), весёлый обед с приятелями по клубу, обсуждение прикомандированных девиц-гимнасток, прибывших на летние сборы в наш город со всех концов необъятной страны.

Нежданный праздник приближался, и идти на него с пустыми руками не хотелось!

Пошарив по внутренностям шкафчика, я выудил из его сусеков несколько талонов на обед и направился на второй этаж. Осмотревшись в коридоре администрации, юркнул в кабинет заведующей интернатской столовой, и через пять минут я стал богаче на целых пять рублей.

Интернат был организован год назад в старом здании речного училища, перебравшегося наконец в новое, строившееся в течение десяти лет здание. Тренажерный зал и борцовский ковёр сияли новизной и манили «продвинутых» спортсменов к себе, как манит глянцевый леденец оголодавшего на котлетной диете дворового сорванца, и шесть остановок от дома давно не считались для меня преградой. Выделенные для общежития помещения постепенно наполнялись подтянутыми и крепкошеими постояльцами с поломанными ушами (но об этом позже).

Сменив дома рубашку и носки, я протёр недавно добытые мамой по блату чешские туфли. Порывшись по карманам и заначкам, добавил в кошелёк недостающие деньги. Князь к выходу готов. Осталось купить подарок и раздобыть цветы. Выйдя во двор, я в два упора перемахнул через высокий

забор на сторону заброшенного детского сада, где, побродив по бурной растительности, нарвал пару сотен ромашек, бережно завернув их в прихваченную из дома газету.

Центральный торговый центр по праву считается одним из самых узнаваемых символов города и шедевром позднего советского модернизма. Цветовое решение фасадов построено на контрасте белых панелей и красного кирпича. Этим кирпичом до сих пор реставрируют стены московского Кремля. Здание реально достойно высших похвал. В алкогольном отделе этого торгового чуда работала знакомая девушка (жившая в соседнем с нашим доме).

– Ириш, привет, – начал я, переступив невысокий порог отдела радости и досуга. – Нужна твоя помощь.

– Ага, снова нужен спирт для протирки деталей в телевизоре? – с незлобивым сарказмом отозвалась она.

– Не угадала, требуется шампанское. Новый год на носу. А я без шампанского.

– Смеёшься? Середина лета... – начала Ирина.

– К чёрту условности! Новый день, новая жизнь, – прервал я её. – Помогай, Хозяйка Медной горы, с меня сильная помощь прекрасной женщине, настоящей красавице в любое удобное для неё время, только заикнись.

Состроив просящее выражение на готовом к игре лице, я тихо добавил:

– Надо Ир, очень надо...

Спустя пять минут я шёл мимо Главпочтамта с двумя

газетными свёртками и опустевшим кошельком в кармане, размышляя о том, как буду проходить таможенный родительский контроль в квартире под номером шестнадцать.

Было тепло и душно, обувная фабрика, занявшая половину квартала в самом центре города, атаковала прохожих мерзким амбре кирзы, выбрасывая на раскалённых жарой людей вонючие отработанные миазмы из своих недр. Напротив, сиял кинотеатр имени В. В. Маяковского, отражая начавшее опускаться солнце натёртыми экранами окон. Город накрыли мощные заряды пуха, нехотя скользящего в летнем мареве, словно забывшие про земное притяжение снежинки. Я спустился в подземный переход в надежде на небольшую тень передышку. До дома именинницы оставалось триста метров.

«Таможню» проходить не пришлось. Родителей Оксаны просто не было дома. Но мой приход вызвал у присутствующих гостей настоящий ажиотаж, усилившийся после того, как в моих руках появился букет полевых ромашек и бутылка советского шампанского.

Вечер, на мой вкус, удался. Пара подруг-одноклассниц и здоровенный парень, показавшийся мне смутно знакомым, о чём-то шептались за богато уставленным яствами столом, пока Оксана показывала мне ванную комнату и, радостно щебеча, набирала в огромную стеклянную вазу воду для цветов. Потом мы пили почти горячее шампанское, ели приго-

товленные мамой именинницы изыски и танцевали.

Два года, проведённые мной в ансамбле бального танца во времена болезненного детства, не были забыты.

– А вы хорошо танцуете, сударь, – заявила мне худенькая девица, приглашённая мной на очередной «медляк», дабы не давать лишних тем к возможным пересудам, связанным и с моим внезапным появлением, и с пристальным вниманием к нашим с Рыжиком (так я стал про себя её называть) па у не танцующего Алекса.

– Я был призёром The World of Dance Championship, – нёс я очередную пургу, прижав посильнее тонкое и хрупкое тельце подруги именинницы, кажется, её звали Антониной, – став лучшим танцором в категории «самый медленный танец».

Наступил вечер.

– Ребята, спасибо, что вы не забыли меня в этот летний день, – прощаясь с друзьями начала Оксана. – Спасибо за то, что пришли, за внимание, за подарки. Скоро придут родители, а мне ещё нужно прибраться...

Возникла неловкая пауза, все наперебой начали предлагать помощь, но Рыжик, сделав умильное выражение на кукольном личике, направилась в прихожую.

Я не стал толкаться в узком пространстве, стоя у массивного дверного косяка, дожидаясь, когда гости наденут обувь и выйдут на площадку. Последним из гостей оказался атлет. Он явно чего-то ждал, надеясь, возможно, остаться с име-

нинницей на какое-то время наедине, но как только я оторвался от косяка, Оксана, словно о чём-то вспомнив, повернувшись ко мне, проговорила:

– Ты поможешь мне немного, я сильно тебя не задержу...

Нужно было видеть лицо атлета – ярость и презрение, да ещё, пожалуй, бешенство. Он резко развернулся и тут же вышел, опрометью проскочив разделявшие этажи пролёты.

Мы остались одни. Оксана, усадив меня на диван, принялась быстро освобождать гостиную от явных признаков празднования, ловко лавируя между столом и стульями. Пока девушка занималась на кухне посудой, что-то пытаюсь вызнать у меня короткими, но цепкими вопросами, я встал и побрёл по её квартире. Переходя из комнаты в комнату, рассматривал планировку и мебель, резные деревянные двери с массивными никелированными ручками, наборный паркет, прикрытый толстыми, пружинящими под ногами коврами.

– Сколько у вас комнат? – спросил я, дойдя до просторной кухни, в которой суежилась юная хозяйка.

– Шесть, – просто отозвалась Оксана. – Четыре спальни, гостиная и папин кабинет.

– И вам хватает, – с иронией заметил я, вспоминая, как мне приходится пробираться через общий коридор коммуналки и ковыряться в темноте в замочной скважине замка, стараясь не разбудить давно спящих родителей и брата.

– А ты знаешь, нет, – серьёзно ответила рыжеволосая кра-

сотка, уперев миниатюрный кулачок в прикрытый передним бок. – Я бы не отказалась от гардеробной и будуара, но...

И она прыснула, дёрнув огненным снопом волос, от чего, как мне тогда показалось, по кухне полетели яркие оранжевые искры.

– Родители будут только через час, – вволю отсмеявшись, заговорила она. – А ты мне должен мой личный танец.

Время пролетело за пару мгновений. Мы танцевали под модного в ту пору Серова, тесно прижавшись друг к другу и целуясь. Солнце, отбарабанив свою световую вахту, беззвучно ушло за горизонт. Мне было пора уходить, и казалось, что завтра уже никогда не наступит, оно было уже не нужным. Всё случилось сегодня.

– Позвони завтра, – провожая меня, попросила Оксана. – Я хочу погулять с тобой. Телефон запомнил?

– Запомнил, моя королева. Будет исполнено, – отозвался я, облизывая кровоточащие от неумелых поцелуев губы. – До завтра.

Сорок широких ступеней доставили меня в целости и сохранности во двор дома, еле просматриваемая в темноте тропинка вывела к невысокому, в человеческий рост забору. До калитки оставалось несколько шагов.

– Ты кто? – попытавшись придавить меня к забору, начал он ломающимся, скользящим в диапазоне бас-фальцет голосом. – Ты откуда взялся? Танцор еб... й.

Глава 3

– Это вы Ипполита окатили? Он сейчас шёл весь мокрый!

– Это он мокрый от слёз...

(Из кинофильма «Ирония судьбы, или с лёгким паром!»).

Спустя пятнадцать минут мы мирно болтали, шагая вдоль притихших ночных улиц, подсвеченных золотистыми лучами высоких фонарей, парящих в тёмном, безлунном небе.

– Ничего так квартирка у папаши Рыжей, – растирая ладонью ушибленную грудь, констатировал Алекс. – Как тебе прокурорские покои?

– Славное жилище, – ответил я и, почувствовав в словах собеседника некую напряжённость, решил поменять направление нашего разговора.

– Сань, а я ведь тебя не признал, – пытаюсь не разрушить устилавший тротуар пушистый пуховый ковёр, продолжил я. – Ты за этот год прилично подрос в плечах.

– Да, и не только в плечах, – усмехнулся он. – Тренер говорит, что ещё немного, и каноэ нас с напарником не удержит, ко дну пойдёт. Говорит, ватерлиния, мол, уже параллельна критическому уровню.

Всю дорогу мы обсуждали весёлые моменты, случавшиеся в наших спортивных и ученических жизнях, так, смеясь и дурачась, вошли в небольшой садик, заросший высокими раскидистыми клёнами и почти полностью скрывающими старый, в три этажа, кирпичный дом с широкими бал-

конами.

– Я бы пригласил тебя войти, но время позднее, боюсь, мать будет не в восторге от ночного визита, – шёпотом заговорил Алекс, молниеносным движением вскочив на отлив окна первого этажа и, стараясь не шуметь, принялся отворять его высокую створку. – Я когда уходил, специально его прикрыл, зато теперь имею рабочий телепорт прямо в комнату.

– Понятно, – понизив голос, проговорил я, считая, что разговор окончен. – Кусок мяса не забудь к ушибам приложить.

– Ага, – уже проникнув в комнату, зашептал он мне. – Ты завтра чем будешь занят? Приходи ко мне часов в восемь вечера, я как раз с тренировки вернусь. По... дим.

– Давай в девять, боюсь, что к восьми не успею...

Покинув уютный садик и перейдя дорогу, оказался у своего барака (да, да – с Алексом мы жили в соседних домах). Надев такую привычную для себя шапку-невидимку, я отправился спать.

Бесшумно пробравшись к своему логову, занимавшему в комнате ровно два квадратных метра, я быстро разделся, примостив одежду на полке, прибитой к стене антресоли, свисавшей над моей кроватью, зажатой между холодильником и большим семейным шкафом.

Уставившись в едва различимый в ночном сумраке потолок, я представлял себе возможную самодостаточность. Соб-

ственная комната, финансовая независимость, возможность распоряжаться жизнью, принимать решения – вот составляющие взрослости. Необходимые атрибуты состоятельности, путь к горделивому лозунгу (устаревшее военное слово, украденное политиками), где ты – условный знак, сигнал, необходимый для пропуска куда-либо. Где бы его раздобыть – этот самый ЛОЗУНГ?! Думал я, незаметно проваливаясь в сонную кисею.

Вынимая из тайного хранилища подсохшую кисть и мольберт, я начал размашисто вписывать желанные мазки в яркую картину грядущего. Роскошный диван у огромного окна, кресло и журнальный стол, заставленный рядами стекла в разноцветных этикетках, светлый ковёр под ногами удивлённых гостей. Они разбрелись по залу, любуясь интерьером, держа в руках играющие на свету яркими всполохами хрустальные фужеры. Я сижу в удобном кресле, с лёгкой ухмылкой разглядывая гостей, вальяжно закинув ногу на ногу.

– Хозяин!

– Сколько комнат в вашем бунгало? – интересуется милая, рыжеволосая дама, заискивающе вглядываясь в моё лицо зелёными, словно горное озеро, глазами.

– Их десять, – милостиво отзываюсь я, подливая в бокал минеральной воды. – Эта гостиная, пять спален, мой кабинет, будуар и гардероб.

– А десятая? – проявляют интерес остальные гости. – Вы обозначили лишь девять?

– В десятой я ещё не был, всё никак не могу до неё добраться. Совершенно нет времени, – давясь пузырями взорвавшейся во рту минералки, пытаюсь ответить им я...

Стены гостиной начали принимать зеленоватый оттенок, покрываясь сочной и густой листвой. Гости растворились в сгустившейся тьме, я явственно почувствовал чьё-то присутствие.

– Откуда ты вылез? – в самое ухо пробурчал мне моложавый амбал с увесистым веслом, неожиданно склонившийся ко мне из-за спины...

Встретив Рыжика у памятной калитки, я мельком взглянул на пострадавшие во вчерашней короткой схватке кусты и, ухватив девчонку за белоснежную ладошку, увлёл её за собой.

– Куда пойдём?

– В кафе на Яковлева. Там потрясающее мороженое выдают красивым дамам.

Оксана улыбнулась.

– А как ты понял, что я красивая?

– Это дано лишь художникам и математикам, – с серьёзным видом ответил я.

Всю дорогу до кафе мы обсуждали, чем математики отличаются от художников.

Храм Снежной королевы из городского хладокомбината был невелик, шесть на шесть метров, с пятью небольшими столиками, накрытыми белыми отутюженными скатертями.

Мы заняли свободный в будний день столик у окна.

Ты вчера подрался? – рассматривая моё лицо, допрашивала меня Оксана.

– С чего ты взяла? – не отрываясь от короткого перечня в меню, ответил я.

– Сорока на хвосте принесла, – попыталась отшутиться девушка. – Или в новостях с утра передавали. Я уже не помню.

– Диктора случайно не Сашей зовут?

– Ну, если только совсем случайно, – не стала отпираться она. – Мы с Сашей давно знакомы, ещё в один садик ходили и класс у нас один, и сидим мы рядом почти. Ты не думай, между нами ничего нет. Это он придумал себе всякого.

Я отодвинул от себя картонку меню и посмотрел ей в глаза.

– Ты какое мороженое будешь?

– Что? Какое мороженое? – не понимая, переспросила девушка.

– Есть пломбир, молочное, а крем-брюле сегодня вычеркнули, – продолжил я свою клоунаду. – Я буду с мёдом и орехами. Здесь мёд свежий всегда, словно его медведи только что с пасеки привезли.

– Не хочешь говорить, так и скажи, – вернулась к заявленной ею теме Оксана, пытаясь изобразить на лице тень обиды. – Я переживала за тебя, ты же видел, какой он большой, а какие у него глаза вчера были.

– Какие? – поинтересовался я.

– Бешеные...

– Большие шкафы очень громко падают, дорогая моя чужестранка, но чтобы после они делились об этом – для меня новость. Так всё же, пломбир или пломбир?

Рыжая кукла увела в сторону вышедшей в зал кафе официантки свой изумрудный взгляд, обиженно нахохлилась и забавно выпятила губу.

– Нам два пломбира, миледи, с мёдом и орехами, – сделав выбор за обоих, обратился я к официантке. – И попросите шеф-повара выбрать для нас самые свежие добавки, иначе вот эта девушка будет жаловаться на него в прокуратуру района.

Официантка вяло ухмыльнулась, так и не приняв вызова в раскачиваемую мной игру, и, молча развернувшись, направилась в кухонное закулисье.

– А ты откуда знаешь, что мой отец работает в прокуратуре? – сделав «круглые глаза», зашептала Оксана. – Саша рассказал?

Я пожал плечами.

– Никто мне ничего не рассказывал. Это была просто шутка.

Девчонка молча смотрела на меня.

– Да ладно тебе, – продолжил я с усмешкой. – Да пусть хоть инспектор по делам несовершеннолетних, что это меняет?

– У меня очень непростые отношения с отцом, – с неохотой ожила Оксана. – В нашей семье словно в солдатской казарме, всё расписано по секундам. Подъём, обед, отбой...

Я накрыл лежащую на столе руку девушки своей рукой.

– А ты откуда знаешь, как живут в солдатской казарме?

Пальцы касались нежной, бархатной поверхности руки, вызывая во мне неожиданную внутреннюю теплоту. Разительный дисбаланс цветов кожи наших рук, подчеркнутый белизной накрахмаленной скатерти, бросался в глаза, заставляя задуматься о парниковой природе этого оранжевого цветка.

– Ты совсем не выходишь на улицу? – кивая в сторону наших рук, спросил я.

– С чего ты взял?

– Загара совсем нет. Руки – самые открытые солнцу поверхности, а они у тебя белые как молоко.

– Я ведь рыжик, ты что, забыл? – с улыбкой отозвалась она.

– А причём здесь это?

– Генетика. У рыжих почти полностью отсутствует чёрно-коричневый пигмент. В средние века нас считали бесовским отродьем, ведьмами, нечестью. Не боишься...

В этот момент подоспело мороженое.

Мы долго сидели за уютным столиком и наслаждались чудесным вкусом и прохладой парфе, вволю заряженного ме-

дово-ореховым муссом.

– Эх, вот бы ещё заваренный на песке кофе, – проблеял я, облизывая ложку. – Я стал бы совершенно счастливым человеком.

– Так в чём проблема? Пошли ко мне, и я сварю тебе кофе. Девушка, оставив почти не тронутую сладость, с озорным огоньком в глазах уставилась на меня, ожидая ответа. Взгляд был открытым и по-детски нахрапистым. Отследив внутри себя некую неловкость, я отвёл глаза.

– Тебе не понравилось? – кивнул я в сторону её креманки. – Понравилось, только на мёд и орехи у меня аллергия. Она всё так же открыто, с играющей на губах улыбкой смотрела на меня.

– Ты рисовать умеешь? – перевёл я разговор в другую плоскость, пытаясь скрыть неловкость.

– Что?

– Люблю раскрашивать всё, до чего добирается мой взгляд: люди, машины, дома, сложные запахи, старые воспоминания.

– А разве у запахов есть цвета?

– Всё зависит от их качества и степени наполненности.

– Ты странный, – продолжала разглядывать меня рыжая ведьмочка. – Я почему-то не помню тебя. Мы ведь ходим в одну школу.

– Иногда не замечают тех, кто не очень-то хочет, чтобы их замечали.

– Я хочу поглядеть на тебя, когда ты был маленьким. У тебя есть семейный альбом?

– Не люблю фотографии.

– Почему? – удивилась она.

– Они стирают грань между вчера и завтра. Не люблю, когда у тебя отбирают право на память.

– Странно...

Оксана едва уловимо дёрнула губами, на миг проявив лёгкую улыбку.

– Ты чуть старше меня. А кажется, будто я говорю со стариком... Проводи меня домой. Мама скоро придет, а я угощу тебя кофе.

Я позвал официантку, помахав ей поднятой рукой. Та лениво натирала посуду в ближнем от нас углу полупустого кафе. Совсем недавно оно было переделано из злчного центрального кабака, носившего странное название – «Пятнашка», в угоду суровым решениям высшего состава руководства страны. Расплатившись, мы двинулись в обратный путь.

Дом девушки оказался обитаем.

– Мама, это он, – безапелляционно отчеканила девушка вышедшей навстречу нам очень красивой невысокой женщине.

Мама, молниеносно пройдясь по мне сканирующим взглядом, молча ретировалась.

Оксана, не обращая внимания на демарш матери, легко коснулась меня своим плечом.

– Не переживай, она со всеми такая. Снимай обувь, вот гостевые тапочки.

Девушка, пошарив пару мгновений в обувном шкафу, протянула мне поистине произведение обувного искусства.

– Какие изящные бабуши, – принимая роскошные, расшитые золотой и серебряной нитью туфли, в полный голос восхитился я.

– Эта обувь получила наибольшее распространение в Турции (совсем недавно я прочёл отличную книгу о Васко да Гама). Туфли появились в Марокко и делались из тиснёного сафьяна, но также используют ткани и плетение. Бабуши чаще всего воспринимают как тапочки с острыми загнутыми носами, но есть и любители скруглённых форм.

В дверном проёме вновь возникло удивлённое лицо мамы.

– А вы, молодой человек, знакомы с историей Северной Африки?

– Кое-что слышал, – натягивая предложенную обувь, попытался съехать с темы я. – История и археология находятся в круге моих интересов.

– История – это понятно, а чем вас занимает археология, – продолжила допытываться мама. – И что вам известно о сафьяне?

– Мама, – попыталась вступить за меня девушка. – Это мой гость, мы просто пришли выпить кофе...

– Выпить кофе – в моём доме? – прервала дочь женщина. – Мне нужно иногда знать, кто и зачем переступает его

порог.

– Совершенно взвешенная политика, – согласился я. – Самурай обязан защищать свой клан.

– А что касается сафьяна, – тут же продолжил я, – насколько я помню, название пришло из Франции, где кожевенных дел мастера называли так выделанную особым образом кожу. Сафьян переводится как глянец.

И, отразив ещё более усилившееся удивление на лице «самурая», я решил добить её окончательно.

– Об археологах у меня есть отличный анекдот. При раскопках ацтекской столицы Теночтитлана были обнаружены золотые статуэтки Чальчиухтликуэ и Кецалькоатля – богов дикции и памяти (тут, скорее, ошибка и должно быть «вод и плодородия»).

Кофейная церемония прошла также в присутствии мамы. Я рассказывал разные истории, улыбаясь во все тридцать два зуба, и был приятно удивлён, когда красивый рыжий Цербер благосклонно вышел меня проводить.

– Я буду рада видеть вас в нашем доме, юный археолог. Вы приятно меня удивили.

«И вы приятно меня удивили», – так и хотелось ответить, оставив мяч на её поле. Но немного подумав, я сказал:

– Спасибо, очень приятно.

Склонив на прощание голову в знак великого клоунского почтения, я покинул шестикомнатные прокурорско-самурайские апартаменты, жестом обозначив расстроенной юной

ведьмочке, что позвоню.

Весь обратный путь домой я думал о моём ярко-рыжем увлечении, пытаюсь разобраться в противоречивых чувствах.

Было около восьми вечера, и я опять пропустил тренировку. Нет, так дальше не пойдёт. Ну, нет лёгкости в этих отношениях. Я словно рыба на берегу. Глазам открывается что-то новое и манящее, но среда обитания упёрлась в границу пляжа.

Июльский день не сдавал свои тёплые позиции, мягким уютным покрывалом укрыв спешащих уличных прохожих от пытающегося прорваться через его пуховую вязь муссона. Он уже начал стелиться по песчаному пляжу, залитому алым закатным светом. Вечер, так и не успев вступить в свои права, лениво цеплялся за крыши и стены домов бледнеющей с каждой минутой зарницей. В этой картине присутствовала первородная охра, древнейший пигмент, яркий представитель осени, искра, застывшая в янтаре, предвестница угасания.

Я возвращался к своему ящику-футляру, скрытому в ещё более крупном барачном ящике. Спать не хотелось. Хотелось красок. Ноги сами свернули к соседнему дому.

Глава 4

БОРЩ

Муж. Квашеная свёкла; род щей, похлебка из свекольной квашни, на говядине и свинине или со свиным салом.

Борщитъ южн. Литъ без толку много, через край, чрез меру; более употребляется с предлогом на и пере.
(Толковый словарь В. И. Даля. 1863—1866).

Прихожая квартиры Алекса встретила меня сногсшибательным запахом украинского борща.

Богатый чесночно-перечный аромат, добротнo приправленный густым кисло-острым оттенком, мягким томатным амбре в бархатистой, густой и маслянистой основе – сытный, мясной дух.

Яркая палитра цветов и запахов тут же легла на оголодавшую (в прямом смысле) почву. Перед глазами бойко замелькали живые краски: свекольные, оранжево-красные, янтарные с вкраплениями различных тонов зелени и белыми брызгами чесночных срезов. В голове помутнело, желудок тут же отозвался длительной тирадой. Даже и не помню, как я оказался за столом.

Старая, сухая и невысокая, словно мумия, женщина лет примерно семидесяти пяти изящным половником разливала по белоснежным глубоким тарелкам парящее кушанье.

– Настоящий украинский борщ, – вещала кухарка, оказавшаяся бабушкой Алекса по маминой линии. – Заправляется давленным и нарезанным чесноком, так он не потеряет остроты и аромата. Зелень добавляй по вкусу.

Она подвинула ко мне большую никелированную миску с мелко нашинкованной зеленью, по виду это были петрушка

и укроп.

– Борщ заправляют фруктовым уксусом и томатной пастой, и горе той хозяйке, что смеет использовать лимонную кислоту, – продолжила Сашина бабушка, дожидаясь, когда освободится глиняная крынка со сметаной, передаваемая в круг стола от едока к едоку. – Этот аромат как у хорошего вина – крепкий, объёмный с пряной остринкой.

Добавив сметаны и зелени, я взялся за тяжёлую мельхиоровую ложку и принялся размешивать это парящее чудо. Маслянистая янтарная лужица тут же образовалась на поверхности, лишь только сметана была принята волшебным варевом, а аромат лета от свежей зелени заполнил свободное пространство кухни-столовой.

Пробую. Ммм мм...

Потом был чай с курабье. Саня, Санин брат – Алексей, мама, отец и конечно хозяйка этого праздника глаз, обоняния и желудка, бабушка Маша, с любопытством разглядывали меня – пьяного от сытости и разнообразия красок.

– Спасибо вам, Мария Аркадьевна, за самый чудесный борщ, что я ел в жизни, – ни на минуту не кривя душой, на одном дыхании выдал я. – Знал бы раньше, обязательно пришёл бы посмотреть, как вы это делаете.

– Ну и ловкач, – тут же отозвалась Мария Аркадьевна. – Так я и открыла тебе свои секреты. На здоровье, молодой человек...

Мы с Саней отправились в его комнату.

– Слушай, как же в тему зашёл борщ Марии Аркадьевны, – начал я, уютно распластавшись на огромном, обтянутом крупным вельветом цвета морской волны кресле. – У меня с утра, кроме ста граммов мороженого и чашки кофе, во рту больше ничего не было.

– А мороженое и кофе ты, небось, с Оксаной швыркал? – зацепился за мои слова Алекс.

– Тут дело ведь не в том, с кем я и где чего швыркал. Дело в самом факте голода и профессионализме повара, – немного внутренне скривившись, ответил я. – Мне кажется, мы ещё вчера всё выяснили?

– Выяснили, – посмурнев, произнёс Алекс. – Дело тут совсем в другом. Просто я хочу, чтобы между нами было всё кристально прозрачно.

Он умолк и, подойдя к зашторенному плотной шторой окну, отодвинул свисавшую с высокого потолка ткань и начал открывать его створки.

– Ты же уже понял, что мы с Рыжей знакомы довольно давно, – продолжил он, усаживаясь на широкий подоконник. – Не стану скрывать, она мне нравится, ноги, глаза ну и всё такое...

– Слушай, – попытался прервать его я.

– Ты подожди, я всё сейчас скажу, а потом ты будешь сам решать, принимаешь ли ты всё как есть или будешь что-то предпринимать.

Я умолк, не делая новых попыток перебить его. Алекс это понял и продолжил.

– Дело здесь не в тебе и уж точно не во мне, ей просто нужен повод, чтобы шагнуть во что-то новое, авантюрное, как она сама говорит – взрослое.

Он спрыгнул со своего «пьедестала» и, подойдя ближе ко мне, уселся на самый краешек разложенного дивана, занимавшего добрую часть комнаты.

– Ты понимаешь, насколько это отвратительно, когда тебя используют словно половую тряпку, раз за разом окуная в налипшее тут и там дерьмо?

Он вновь поднялся, медленно двигаясь по комнате, словно медведь в зоопарке по своей клетке. – Весь этот год я был этой тряпкой. Саня то, Саня сё и Саня бежит, решает, спасает. А тут она решила, что ей пора взрослеть. И откуда в голову её рыжую это влетело, не пойму я никак. Да и бог бы с ним...

– А я никак не пойму, к чему всё это? – попробовал я подыграть ему.

– Переспать она с тобой хочет, – выстрелил он, застыв прямо передо мной. – Ей кажется, что тут же в её жизни всё сказочно изменится, перевернётся. Меня она отвергла, говорит, что мелкий я ещё, хоть и вымахал как конь.

Я ошарашенно уставился на товарища, не зная, что ему ответить.

– Не нужен ты ей друг, – закончил Алекс свой спич и как-

то сразу осунулся. — И я не нужен.

— Ты знаешь, а пойдём и погуляем по округе, — решив сменить напряжённую обстановку, предложил я.

— Ночь на улице, мать не выпустит...

— Я сейчас пойду, ты меня проводишь и вернешься в комнату, а потом через окно выберешься и всё.

Я поднялся и отправился к выходу.

— До свидания, — еле слышно пробурчал я пустующей прихожей и, юркнув в подъезд, покинул столь вкусно и приветливо встретившую меня квартиру. Мне никто не ответил, трудящиеся поднимаются рано, а завтра рабочий день.

Ночь уже полностью вступила в свои права, захватив всё городское пространство в плотные сети. Мы молча брели по узкой улице, сдавленной с обеих сторон деревянными фасадами частных домов, слабо бликующих потемневшими стёклами окон, отражающими неяркий свет редких уличных фонарей.

— У тебя дома есть телефон? — поинтересовался я, устав от молчаливого променада с надутым амбалом, бредущим рядом.

— Что? — отозвался Алекс. — Телефон, конечно, есть.

— Почему конечно? Вот у нас на весь дом всего два аппарата. В четвёртой, там в двух комнатах завхоз шестой колонии с семьёй обитает, Серёга у него сын, в параллели с тобой учится, и в соседнем подъезде, на втором этаже, у Завад-

ских. Михаил Дмитриевич в больнице УВД травматологом трудится, он в нашем доме единственный, у кого весь блок во владении, без подселения. Три комнаты! У них, я знаю, даже ванна в квартире есть.

– У нас тоже есть ванна, – как-то вяло отозвался Сая. – А телефоны в нашем доме есть в каждой квартире, мне об этом бабушка Маша говорила. Она только на вид такая отзывчивая, в своё время районный партийный комитет возглавляла, отсюда и тапки.

– Что за тапки? – не понял я.

– Выражение такое, мол, кому-то досталось, а кому-то не повезло.

– Ааа..., а я уже подумал, как у Оксанки дома, сафьяновые с шитьём и с загнутыми носами.

Алекс не ответил.

– Слушай, а чего вы такие здоровые с братом, – решил сменить тему я. – Вроде и бабушка, и мама, и отец ваши, все среднего роста, а Лёха, твой, хоть и младше тебя на год, а вымахал как бамбук китайский.

– Мы с Лёхой, наверное, в деда пошли. Я не видел его никогда, умер он, я ещё не родился. Ранен был на войне сильно, болел. Маша говорит, что высокий и крепкий был.

– Что за Маша, – не понял я.

Бабушка моя, ты же видел её сегодня.

– А, Мария Аркадьевна!

– А вы где сейчас тренируетесь? – Алекс остановился

у здания областного суда, современного кирпичного, случайно затесавшегося меж старых деревянных построек.

– Перебираемся потихоньку в интернат, там база тренировочная получше, да и время не ограничено. А то, только разомнёшься, на ковёр выйдешь, уже пора милицейским освобождать. Деда дедами, а всё туда же – рывок, бросок. Бесит.

– Давай к дому двигать, завтра тренья в семь утра, – развернулся Алекс. – Открытая вода у нас только рано утром, потом река собственной жизнью начинает жить. Скоро сборы у нас. Прошлый год в Ташкент ездили, на Ташканале воду вспенивали, нынче говорят за городом, часть турбазы с широкой старицей нам выделили.

– Я вот тоже собираюсь, скучно дома летом, – кивнул я. – Ладно, пошли.

– Родоки твои как к тренировкам относятся?

– А чего родоки? Родоки рады, что сынуля в подворотнях не ошивается. А, впрочем, наверное, им пофиг, где я и что со мной. Они вчера ещё в Ленинград укатали с братом моим подмышкой. Сиротствую теперь.

– Во дела, – оживился Саня. – Так у тебя хата, что ли, пустая простаивает? А он молчит, пломбиры с шалавами всякими по углам трескает. На сколько родители умотали?

– Ничего я не трескаю, – набычился я. – На двадцать дней уехали. Да и хата у меня не то, что у вас – хоромы, просто угол в коммуналке...

– Да ладно прибедняться, – ухмыльнулся приятель. – Хата есть. Двадцать дней, говоришь, пустая? Так чего ты жопу мнёшь?

– Ничего я не мну, коммуналка есть коммуналка. То одна соседка стирку затеет, то другая коридор общий по полчаса метёт. То ли дело у тебя – собственная комната...

– Комната у нас с Лёхой общая, мать с отцом, на старость лет, ещё одного оглоода решили народить, а Маша в квартире как охранник в гостинице, с ней не забалуешь.

– Понятно. А чего ты её Машей называешь, обидно как-то.

– Да она сама нас с Лёхой попросила, не хочет, видите ли, бабкой быть. Не по чину ей, – подходя к приоткрытому окну своей комнаты, отчитался он. – Ладно, поздно уже, пойду я.

И, уже перебравшись в тёмную комнату, в спину уходящему мне добавил:

– А ты от сабантуя не отказывайся. Может, организуем чего? Рыжую позовём...

Не оборачиваясь, махнул ему рукой и молча побрёл домой.

Я улёгся на родительский диван, прижатый огромным одёжным шкафом к высокому, открытому на ночь двухметровому окну. Занавески вяло шевелились, прячась от мающегося бессонницей ветерка за старыми, разохшимися створками. Появившаяся из ниоткуда луна, словно огромный фонарь, заглядывала в периодически смежающийся

просвет занавесей. Она лениво подсвечивала скелет далёкой стройки, крыши спящих домов, кроны деревьев.

Жёлто-розовый фон оккупировал всё видимое мной пространство, делая его неправдоподобно сказочным, умиротворяющим. Я был один в этом мире цвета розового золота, приняв его правила, сроднившись с ним.

Где-то еле слышно проехал автомобиль, нарушив ночной покой улицы шуршанием шин. И я представил себя за огромным рулём Катобуса, медленно катящегося вдаль по пустынной, тёмной улице. И только две младшие сестрёнки ночного светила, неизвестно как примостившиеся на его отвесном капоте, заботливо подсвечивали мой далёкий путь, причудливо мерцая в такт плавному покачиванию.

Катобус, явно где-то не там свернув, оказался у кафе-мороженого с крупной светящейся вывеской «Пятнашка», почему-то так и не сменившей старое название. На его крылечке в белом сарафанистом платье стояла огненно-волосая девушка, призывно маша мне тонкой белой рукой. Катобус резко затормозил, почти вплотную прижавшись боком к девушке, и с громким шипением распахнул створчатые дверцы, открывая доступ в салон бело-огненному пассажиру.

Девушка, словно жар-птица, тут же впорхнула в чрево автомобиля, ярко осветив его убогие внутренности и, на миг угаснув, очутилась прямо передо мной, мерно покачиваясь над спицами баранки руля:

– Возьми меня! Я желаю переспать с тобой...

Глава 5

Японские девушки делят парней на два типа: инукэи отоко и нэкокэи отоко. Пёсики и котики...

(Национальное телевидение Японии).

На утреннюю тренировку я решил поехать на велосипеде. Большой алюминиевый немец был где-то добыт моим отцом, имевшим неслыханный талант – находить, доставать, договариваться.

Просыпающийся город встречал свежим ветерком, ласкающим моё протомлённое за знойную июльскую ночь тело. Тонкоколёсный бюргер весело нёс своего седока сквозь утреннюю пелену, сотканную из дорожной испарины, возникшей на асфальте от обильного душа из широких раструбов поливальной машины, и вездесущей городской пыли. Подкаченные на днях скаты достойно отрабатывали неровности дороги, передавая на рогатый руль частую вибрацию.

Я мчался вдоль потёртой, отмытой разделительной линии, ничуть не опасаясь возможных четырёхколёсных преследователей. Раннее утро дарило свободу.

Спортшкола была затянута утренним сумраком и старый дворник, сидящий у входа на узкой лавочке с сигаретой в одной руке и метёлкой в другой, чуть заметно кивнул, признав в раннем госте одного из воспитанников. Договорившись со стариком, я поставил велик в его служебные «хоро-

мы» и двинулся в зал.

– Ты и вправду считаешь, что здесь тебе будет лучше? – поинтересовался тренер, с недовольством глядя на меня из своего «убежища» (у Владимира Александровича Шевцова была привычка усаживаться у ковра прямо на пол, оперев больную спину о стену).

– Мне физуху нужно подтянуть, – лепетал я ему в ответ, тяжело сопя после четырёхчасовой тренировки. – А в интернате тренажёры новые.

– На природе воздух чистый, а физуху мы тебе подтянем, ты даже не сомневайся. Гири со штангами в лагере есть, а персонально для тебя я у совхоза покрышку от К700 выпрошу, вот где сила так сила...

Я скептически хмыкнул и отправился в душ.

Час спустя я уже звонил в дверь Рыжику.

– Привет, – с удивлением во взгляде произнесла Оксана, открыв мне дверь. – Ты почему не позвонил? Ни вчера, ни сегодня.

Она застыла в проёме двери, изучающе глядя на меня, будто учитель в раздумье – как оценить провалившегося ученика, сразу вклеить неуд или поставить в журнал жирную точку?

– У напавших на меня рыцарей не нашлось подходящей монеты. Но сразу после того, как мы это выяснили, я направился к вашему замку, чтобы лично почтить вашу милость.

– Я забыла, что у тебя нет телефона, – сменив гнев на ми-

лость, отступила девушка, пропуская меня в дом. – Входи. Кофе будешь?

– Вот это сервис, вот это я понимаю, – добавив в голос плутовства, шагнул я в прихожую. – Бабуши я достану сам, мы с ними вчера подружились.

– Не люблю цирк, – голос хозяйки стал каким-то безжизненным. – Особенно меня пугают в нём клоуны.

– Ба, да у нас плохое настроение. Что-то случилось?

Девушка не ответила и, молча закрыв дверь, двинулась внутрь квартиры. Я хвостиком поплёлся следом. Наш разновеликий тандем медленно доплёлся до кухни, тут же разделившись на две половины, одна из которых уселась на небольшой диванчик, застеленный аляпистым плотным покрывалом, а вторая, так и не сняв маску печали со своего прекрасного лица, занялась приготовлением чудесного напитка.

– Я после тренировки, – приняв правила игры в Буку, заговорил я. – Могу я тебя попросить добавить к кофе ещё и пару бутербродов? Кушать очень хочется.

– А ты потанцуешь со мной? – обернувшись и глядя мне в глаза, ответила она, словно маленький ребёнок, выторгивающий у мамы новую игрушку.

– У меня очень строгий тренер, – не отводя взгляд от её красивых глаз, начал я. – Он говорит, что лучше быть хорошим борцом, чем плохим танцором.

– Ты в надёжных руках, – впервые за это время улыбну-

лась хозяйка. — Я не знаю, какой ты борец, но танцевать с тобой мне понравилось.

Тонко нарезанный голландский сыр с выступившими на его жёлто-молочной поверхности капельками сыворотки, тёмный прямоугольник бородинского хлеба, пахнущий ржаным, слегка сладковатым духом с отчётливым оттенком кориандра, трудно спутать с чем-то другим — король русской кухни, и «Московская полукопчёная» — символ достатка и статуса хозяина холодильника (в составе: говядина высшего сорта, хребтовый шпик и специи).

Чашка заваренного Оксаной, а до того прекрасно обжаренного и вручную молотого кофе волшебным добавлением легла сверху царских бутербродов.

Девушка с довольной ухмылкой, глядя на меня, протянула руку к магнитофону, двухкассетное японское чудо услужливо завертело шестерёнками, и из динамиков зазвучала чарующая с первых аккордов музыка.

— Что это за группа? — спросил я, поднимаясь и прижимая к себе улыбающуюся девушку. — Ни разу не слышал.

— «Yello», — тихо отозвалась Оксана. — Альбом, кажется, называется Stella. Брат где-то достал, он любит что-то необычное.

— У тебя есть брат?

— Старший. Он не живёт с нами. Это папин сын от первого брака. Мы с мамой его вторая попытка.

— Для меня так красивая попытка, — прижав её посильнее

к себе, проговорил я и, приподняв рыжеволосую девушку, так что наши глаза оказались на одном уровне, тихо добавил. – Мне нравится.

Мы танцевали и целовались, пока «японец» не прервал наш затянувшийся поцелуй, отщёлкнув клавишу «PLAY», но и тогда мы не перестали медленно покачиваться в такт уже собственному ритму, вцепившись друг в друга, словно сиамские близнецы. От возбуждения сильно грохотало что-то в груди. Руки и ноги тряслись, предательски слабев в столь важный для меня момент.

Хотелось чего-то большего, самого важного, и девушка, должно быть, почувствовав это, опустила свою руку, коснувшись верхней части моих брюк. Что-то тут же взорвалось в том месте, где я никак не ожидал, ноги подкосились, и я повалился на диван, еле сумев удержаться на нём. И в это мгновение заклокотал дверной звонок.

– Блядь! – всё, что я смог сказать, пытаясь собрать скачущие в голове мысли.

В отличие от меня, Рыжая моментально собралась, в одно мгновение протёрла лицо подобранным со стола полотенцем и, бросив мне: – «Сиди здесь!», ушла открывать дверь.

– Здравствуйте, молодой человек, – обратился ко мне статный мужчина с усталыми, въедливыми глазами в тёмно-синем форменном костюме с двумя звёздами в чёрных

велюровых петлицах и, обернувшись к дочери, добавил: – Оксана, мама будет через пару минут, она уже едет.

Задушевных разговоров о будущем и смысле жизни современной молодёжи не случилось. Папа, «затарив» холодильник различной снедью, привезённой из магазина-распределителя во время обеда, задерживаться не стал. Сразу после короткого знакомства и молниеносного, всепрожигающего взгляда, мол: – «Я тебя запомнил, мальчик», он покинул собственный дом так же внезапно, как и появился.

– Что это было? – кивнув в сторону выхода, спросил я совершенно спокойную девушку, принявшуюся тщательно отсортировывать принесённую отцом провизию, достав из холодильника и переместив на кухонный стол принесённую им коробку.

– Так бывает, – отозвался Рыжик, доставая из картонных внутренностей различные свёртки и консервные банки. – Сегодня «отоварка» у него на работе, а я совсем об этом забыла.

– Слушай, у меня вторая тренировка совсем скоро, – я начал подниматься с дивана, стараясь поскорее ретироваться (встречи ещё и с мамой я бы уже не вынес). – Ты чего вечером делаешь? Может, в кино на последний сеанс ходим?

– У меня военный режим, – сооротив своё обычное печальное выражение, ответила девушка, убирая на пол опустевшую коробку. – Я же уже тебе говорила: подъём, обед, отбой...

Я укладывал остроносые туфли в тесный деревянный

ящик, любуясь прекрасной работой далёкого мастера и, заперев их в обувном шкафу, вздрогнул, неожиданно почувствовав, что девушка обняла и прижалась ко мне со спины.

– Давай напѐмся, – прошептала она, потершись о мою спину лицом. – Хочу быть весѐлой и пьяной.

Слегка подавшись вперѐд, я немного отодвинулся от неё и повернулся. Кукольно-серьѐзное лицо было совсем близко. Я видел каждый штрих в этой картинке, раскрасневшейся от трения о мою спину. Ниспадающие огненные локоны волос, глубокие, не по-детски серьёзные глаза. Я уловил сладковатый запах южных цветов и сандала, струящийся от чуть тронутой парфюмом кожи.

– Приходи завтра с утра ко мне, – прохрипел я, стараясь вновь не свалиться от накрывающего цунами. – Утром тебя, наверное, отпустят, ну, скажем, в школу на отработку?

Затянувшийся поцелуй, и я уже на улице. Бегом добравшись до остановки, прыгаю в первый попавшийся автобус. Сидя на нагретом полуденным солнцем дермати́не, я с налипшей на губы улыбкой на шесть остановок нырнул в глубокое море воспоминаний, раз за разом пропуская через себя солоноватые и горячие волны возбуждения.

У меня появилась девушка.

В поцарапанные, заляпанные краской окна автобуса пробивался солнечный свет, струясь и мерцая в мириадах пылинок. Прижавшись к стеклу, я разглядел огромную тучу, свисавшую из-за плоской крыши одной из многоэтажек. За но-

выми эмоциями, подаренными мне Рыжиком, я совершенно пропустил явные признаки смены погоды. Всполох молнии, мелькнувший одновременно с раскатистым громом, за секунду выдернул меня из тягучего сладкого киселя, а крупные капли дождя вперемишку с барабанной дробью града заставили задуматься о том, как я стану добираться до спортшколы.

Растерянно всматриваясь в потерявшее прозрачность стекло, пытаюсь следить за застигнутыми стихией прохожими. Водитель, видимо, не в силах разглядеть дорогу через обрушившийся на лобовое стекло водопад, остановил автобус и, сжавшись над бегущими по тротуару людьми, распахнул створчатые двери. Салон тут же начали заполнять «спасённые». В этом, наверное, и было его предназначение — не рухнувший ещё знак надежды.

Глава 6

«Бутербродное» – несолёное сладко- или кисло-сливочное масло 61,5%-ной жирности, вырабатывавшееся преобразованием высокожирных сливок и сбиванием сливок в маслоизготовителях непрерывного действия (ГОСТ 240—57).

Промокнув, но добравшись до спортшколы, постарался отключиться от охватившего меня морока. В зале, наполненном разгорячёнными телами спортсменов, я ощутил себя в «своей тарелке», привычно отрабатывая знакомые и го-

дами отточенные комбинации движений, бросков, отходов. Здесь не надо было притворяться, изображать заморского князя, стараться понравиться. Здесь я был самим собой.

Стоя под жалящими, холодными струями душа (горячую воду отключали почти на всё лето), я наконец ощутил внутреннюю свободу. Неловкость, связанная с некой неправильностью происходящего, отступила, дав чувствам небольшую (как оказалось) передышку.

Оксана мне нравилась. Нравилось находиться рядом с ней, вдыхать аромат её духов, ощущать волшебную бархатистость её кожи, чувствовать горячее дыхание на губах и сладкий вкус её помады. Но мне не давало покоя и иное чувство – неискренность. Наигранная открытость, проявляющаяся в общении, словно опытная актриса примеряла выпавшую ей роль.

День подходил к концу. Я вывел на свободу своего алюминиевого «Мустанга», застоявшегося в тёмной кладовой местного дворника, и, усевшись на его узкий круп, медленно покатиł домой сквозь влажную завесу, поднимающуюся после дождя с нагретых, словно сковородка, улиц. Мышцы гудели от сурового прессинга, обрушенного на них умелой «опекой» заслуженного тренера РСФСР. Мозг с неохотой пересылал ленивые импульсы в отяжелевшие конечности, заставляя уставшее тело двигать велосипед и его седока в сторону дома.

Добравшись, я закатил «немца» в сарайное стойло, стара-

ясь не задеть педалями, снабжёнными острыми металлическими зацепами для лучшего удержания ступней, большую стеклянную бутылку с тёмным жидким содержимым (отец, сколько я себя помню, ставил вино). Прикрыв старую дощатую дверь, навесил замок. Сильно хотелось есть.

Шагая через двор, силился вспомнить, что хранит в своих прохладных чертогах семейная двухкамерная «Бирюса», как вдруг дверь в барак резко распахнулась, едва не врезав мне по носу, и в тёмном створе коридора (лампочка почти всегда была кем-то вывернута) проявились крупные формы Алекса.

– Привет, – осветив вечерний двор лучезарной улыбкой, произнёс друг. – А на гребца и бон бежит. Есть что пожрать?

Через пять минут мы сидели на кухне, выставляя на откидную столешницу буфетного шкафа всё, что завалилось в моём сиротском холодильнике.

– Предки-то давно укатали? – друг пытался выбить остатки кетчупа из стеклянной бутылочки на краюху подсохшего с завернутыми краями серого хлеба.

– Да, уже пять дней сегодня, – отзываюсь, доставая глубокую эмалированную миску с яйцами.

– Денег-то они тебе оставили?

– Сто рублей.

– Сотню на двадцать дней?! – донеслось из забитого хлебом рта.

– Это из расчёта – пять рублей в день, – киваю, ставя на га-

зовую плиту огромную чугунную сковороду. – Они до сих пор не в курсе, что у меня в интернате бесплатное питание.

– Ну, ты и зажрался, – заглотив еле прожёванный кусок, с упрёком произнёс атлет. – Нам мать денег совсем не даёт, а Маша – по рублю, да и то в выходные.

Саня с головой залез во внутренности шкафа и, раздобыв в его глубинах пару макаронин, неизвестно когда пропавших в них, принялся откусывать небольшие отрезки, громко хрустя и причмокивая.

– Сань, ты когда-нибудь ел яичницу из пятнадцати яиц? – глядя на довольное лицо друга, поинтересовался я.

– Честно? – произнёс он, оторвавшись от макаронин. – Нет, не ел. Но очень бы хотелось попробовать.

Отковырнув приличный кусок из желтоватого брикета с надписью «Масло бутербродное», я бросил его на дно разогретой сковороды. Дождавшись, когда угловатый айсберг растает в жарких чугунных объятиях, расколол первую партию из восьми яиц. Нарезав тонкими ломтиками лук, посыпал им забугрившиеся белёсыми пузырями яйца. Добавил соль, перец и тут же обрушил на бело-жёлтый, бурлящий блин вторую партию яиц. Посолив и поперчив ещё раз, накрыл это чудо алюминиевой крышкой. Немного подождав, когда верхний слой, прогревшись в стенах чугунной крепости, обретёт мутноватый белый оттенок, убрал крышку и, схватив сразу две лопатки, подцепил одной яичный пирог и, придерживая другой, лихо его перевернул. Спустя пару ми-

нут блюдо, под восторженным взглядом Алекса, было извлечено на широкую тарелку, используемую мамой для торта.

– Эх, сейчас бы выпить вина, как в лучших домах Филадельфии Флайерс, – мечтательно пробасил довольный атлет, разрезая самодельным ножом (отец «добыл» где-то) плотный, пропечённый с обеих сторон пирог, пахнущий маслом и луком.

– Погоди, – бросил я, мигом вскочив и двинувшись к выходу. Спустя пять минут, прямо из бутылки литров, наверное, на пятнадцать, мы уже разливали по эмалированным кружкам тёмную, запашистую настойку – рябиновку, как оказалось, – весьма напрасно оставленную отцом в открытом и не контролируемом доступе.

Воды потом налей туда, не забудь, – вместо тоста произнёс Саня и одним большим глотком отправил содержимое кружки внутрь. Крякнув, добавил сдавленным от крепкого алкоголя голосом: – Только кипячёную лей, не то напиток испортишь.

Всю ночь я убирался дома. Носил из туалета какие-то вёдра, собирал и полоскал тряпки, изобретал хитроумную швабру из брошенных во дворе соседом-завхозом черенков от лагерных лопат. Не сон, а сплошной кошмар.

Утро уткнулось в окно солнцем, поднявшимся над соседними пятиэтажками и хулиганисто резвящимся на моём лице яркими и тёплыми лучами. Я снова заснул на родитель-

ском диване, даже не сняв ни штаны, ни футболку.

В голове поселились инопланетяне, бодро дробя мозг марсианским отбойным молотком. Язык высох и опух, цепляясь за внутренние части рта, словно его обмакнули в клей. Мутило и хотелось в туалет, но сил подняться я в себе не находил. В вялой борьбе прошло какое-то время.

Помогая себе головой и локтями, я подтянул к груди ноги. Свесив с дивана одну и нащупав гладкую поверхность крашенного коричневой эмалью дерева, заставил себя подняться. Икая и пошатываясь, я наощупь, выставив ладони перед собой, побрёл в туалет.

Из небольшого, величиной в школьную тетрадь, зеркала, чуть криво свисавшего над коммунальным умывальником, на меня смотрел помятый и заспанный парень со взъерошенными волосами (как бывает, если уснёшь с мокрой головой). Повернув барашек крана, я сунул гудящую голову под бодро хлынувшую воду. Подставляя то одну, то другую щёку, словно жаря шашлык на открытом огне, завис, наслаждаясь пробуждением. Холодные ручейки бойко струились по лицу, проникая в нос, уши и рот, отчего я периодически встряхивал начавшую проясняться голову, и тогда разновеликие брызги летели в стороны, покрывая влагой всё вокруг.

Набрав полный рот воды, я с удовольствием ощутил холодную свежесть, будто на разоренный засухой оазис пролился сильный и живительный ливень. Я понемногу тоже начал оживать.

Закончив доступные в данный момент процедуры по собственной «реанимации», я вышел в полутёмный коридор. С мокрых волос по шее и плечам стекала вода, футболка прилипла к груди, остужая разогретое жарой и алкоголем тело. Я стянул с себя футболку и, используя как полотенце, начал вытирать ею волосы и плечи. В этот момент в дверь коммуналки негромко постучали.

Повесив насквозь промокшую футболку на плечи, я двинулся к двери, подумав, что если бы я был у себя в комнате, то даже и не услышал бы этот стук. Немного повозившись с вечно заедающим замком, распахнул дверь, едва не сбив раннего гостя.

– Оксана, – удивлённо пролепетал я хрипящим от недосыпа голосом.

Та с обидой во взгляде молча глядела на меня.

– Проходи, – кашлянув, добавил я, отойдя немного в сторону. – Я тебя не зашиб?

– Ты один? – девушка, не глядя мне в глаза, проскользнула в квартиру. – Не помешаю?

Я покачал головой и закрыл за гостьей дверь.

– А обувь у вас где снимают? – прозвучал её тихий голос из тёмного пространства коридора.

– Обувь у нас снимают в комнате, – и, нащупав её ладонь, потянул за собой.

Оказавшись в своей «берлоге», я уловил резкий запах алкоголя вперемешку с чем-то кислым, неприятным, даже жи-

ВОТНЫМ.

– Разувайся, я сейчас.

В пару прыжков метнулся к окну и, распахнув его настежь, задёрнул плотными шторами образовавшийся проём. Утренний воздух, прохладный и свежий, в одно мгновение наполнил шестнадцатиметровую комнату, и я тут же вернулся к госте. Мы стояли в крошечной прихожей, молча глядя друг на друга. Я чувствовал, как сердце ускоряет кровоток, пуская горячее цунами по всем частям тела. На лице выступила испарина.

– Ты почему такой мокрый? – прошептала девушка и, протянув руку, прошлась подушечками пальцев по моим волосам.

– Я только что из бассейна, миледи, – задыхаясь, но стараясь не дышать в сторону Рыжика, заголосил я. – Дворецкий ушёл в северную часть замка за халатом и полотенцами, но до сих пор ещё не вернулся...

– Мы так и будем здесь стоять? – улыбнувшись уголками губ, поинтересовалась Оксана. – Показывай свой замок, рыцарь, и попроси прислугу принести нам вина.

От слова «вино» меня тряхнуло, и сильный спазм сорвался из глубины желудка, попытавшись вырваться наружу, но тут же был задушен усилием воли. Сделав пару шагов, мы оказались на середине комнаты у круглого лакированного стола, заставленного остатками нашей с Алексом вчерашней «вечеринки».

– Простите, миледи, – начал я, пытаюсь придать хоть какое-то подобие порядка, складывая тарелки, ножи, кружки и вилки в огромную сковороду и берясь за бутылку настойки, так и оставшейся на столе после наших с Саней возлияний (о какой уборке может идти речь, если я даже не помню, как и когда ушёл домой друг). – Слуги были отпущены мною на церковный праздник в свои деревни, а мы с друзьями вчера поздно вернулись с охоты...

– Это вино? – кивнув в сторону бутылки, поинтересовалась Оксана.

– Да, миледи! Бургундское. Лучшее на свете...

– Налей мне. Я хочу с тобой выпить.

Достав из серванта графин и два ажурных бокала на длинных шестигранных ножках, я наполнил рябиновкой литровый графин, и мы приступили. Мне снова пришлось пить.

Я, правда, не помню, как мы оказались на диване. Всё шло кругом, мелькая в моей голове в апогее языческого танца. Круглый стол с пустыми хрустальными сосудами, узкий сервант с семейным сервизом, телевизор, кресло и стулья, платяной шкаф и моя кровать с наваленными на ней подушками и одеялами.

Говорят, что алкоголь подстёгивает возбуждение. Пол-литра настойки ударили меня под дых. Выпитое вино, порывистое, горячее дыхание обнажённой девушки, неумелые и суетливые ласки, поцелуи и прикосновения тонули в пьяном болоте. Это был мой первый сексуальный опыт, и он

с треском провалился.

Мне не хватало воздуха, я полностью потерялся в пространстве. От напряжения возбуждение сошло на нет, остались только дурнота и отвращение. Меня стошнило прямо на растерзанное белье, на родительский диван и на очумевшую от всего этого девушку.

— Ах-ха-ха-ха! — раздался высокий, истерический, залихватистый смех. И из большого подушечно-одеяльного завала, уютившегося на моей кровати, вывалился Алекс, громко рухнувший всем телом на дощатый пол комнаты.

Глава 7

Абстиненция.

Существительное.

Полное воздержание от употребления спиртных напитков.

Половое воздержание.

Болезненное состояние, развивающееся у больных алкоголизмом и наркоманией спустя некоторое время после прекращения приёма алкоголя, наркотика или уменьшения его дозы.

(Викисловарь).

Сон оказался пророческим. День я провёл между туалетом и комнатой: в первой половине исторгал остатки бурного возлияния, а вторую посвятил генеральной уборке, раз и на-

всегда решив покончить с порочным образом жизни.

Мозг, отравленный алкоголем и пришибленный позором утренней сцены, напрочь отказывался работать, исполняя лишь чёткие и простые приказы, типа: встал, пошёл, взял. И я вставал с кровати, словно сомнамбула, шёл по знакомой тропинке, опираясь руками о попадавшиеся предметы, брал ведро и тряпки, наливал и выливал воду, скрёб, чистил, мыл.

В какой-то момент мне показалось, что этому ужасу нет конца, но время шло, и комната приобрела почти первозданную чистоту и даже, в отличие от меня, наполнилась свежестью.

Мне надо было сменить одежду, запустить её в стирку вместе с отложенным ранее комком изгаженного постельного белья. Но сперва нужно было принять душ.

Взяв полотенце и чистую одежду, напялив на ноги домашние тапки, я отправился к Сане. День был в самом разгаре, улица встретила меня духотой, той, что нависает над городом после сильных летних дождей. Прохожие будто вымерли, покинув раскалённые и душные городские бульвары, укрывшись каждый на своём рабочем месте, под крышами зданий, цехов и складов, проклиная выпавший на зиму отпуск.

Дверь открыла Мария Аркадьевна.

– А, любитель здоровой и вкусной пищи, – узнала меня женщина. – Проходи, Александр вышел минут пять назад, я отправила его за хлебом. Скоро ужин, хлеба нет, а он спит

весь день. Чем только ночью занят...

Всё это я слушал, стоя в прихожей, дожидаясь, когда Мария Аркадьевна справится с массивной задвижкой.

– А ты чего это с полотенцем? – продолжила она, наконец повернувшись.

– Хочу напроситься к вам в душ, – ответил я, решив не скрывать от хозяйки цель своего визита. – Очень нужно, даже жизненно важно.

Мария Аркадьевна внимательно оглядела моё измождённое лицо, пытаясь оценить степень правдивости, но, видимо, не отыскав на нём признаков лжи, сказала:

– Свет включается внутри, горячей воды в городе нет, ремонт, а газовая колонка сломана, всё никак зять не починит, хоть и инженером числится...

– Это ничего, холодная вода – даже лучше, – не теряя ни минуты, двинулся я в сторону ванной комнаты. – На улице такая жара... огромное вам спасибо, Мария Аркадьевна!

Было холодно и приятно. Скользящие по телу струи смывали с меня липкую пакость, очищая кожу и остужая голову. По телу побежало тепло, проникая в каждый уголок, орган, клетку. Голова начала работать. Появились краски. Жизнь возвращалась.

В истории нет сослагательного наклонения. И я не стал вдаваться в «ЕСЛИ БЫ» да «КАБЫ» к произошедшему сегодня. Случилось то, что случилось, но в последних минутах

этого позора следовало разобраться.

Я выбрался из ванны, насухо обтёрся шершавым от стирки в жёсткой воде полотенцем, оделся во всё чистое и вышел в узкий закуток санузла. Тут же, словно дожидаясь меня, по квартире разлилась мелодичная трель звонка.

Пришёл из магазина Саня.

– О! – весело раздалось с порога. – Ты как здесь? Ну и устроил ты, друг, представление! Я так с утренника в детском саду не смеялся, когда в Оксанку кто-то свекольной котлетой запустил, а там была натуральная хохма.

Алекс отдал авоську с батоном и серым хлебом Марии Аркадьевне и, заперев дверь, двинулся в мою сторону.

– Ну, что, пойдём, герой?

– Сань, ты расскажи, что там дальше произошло, – усевшись в кресло и складывая в сумку снятые в ванной грязные вещи, попросил я. – Не видел же ничего. Рвало так, что я думал, кишки выпрыгнут. И как ты у меня на кровати оказался?

– О, это было зрелище! Куда там до тебя нашему цирку, – свалившись на диван, восторженно выдал он. – Я бы руку, наверное, отдал, чтобы ещё раз на это посмотреть.

– Да не томи ты уже. Насколько всё плохо?

– С чего ты взял, что плохо? На мой взгляд, так краше некуда.

Он встал и, подойдя вплотную ко мне, продолжил:

– Мы вчера так наклюкались твоей рябиновкой, что я от-

рубился на кровати. А ты, видимо, освобождая диван, навалил на меня одеяла и подушки. А я даже и не почувствовал. Пойдём, пожрём чего-нибудь. Маша там картошки сварила.

– Сань, ну какая еда? Я только подумаю о ней, мне уже плохо.

– Пойдём, пойдём, – увлёт он меня за собой. – Буду отпаивать тебя чаем. Маша, хоть и говорит, что в саду травы лечебные собирает, но я точно знаю – к кладбищу северному она ходит, что рядом с дедовой дачей.

– Ты же говорил, что дед умер, – с неохотой поднимаясь, уточнил я. – Теперь-то – дача Марии Аркадьевны?

– Да не до дач ей было, она ещё пять или шесть лет назад такими делами в городе ведала. А может, и революцию видела. Отцова это семья, и дача на них числится, вот только заниматься посадками некому, деды работают ещё, вот Маша и нашла себе дело, как на пенсию вышла, да мы с Лёхой раз в неделю ездим, воду в бочки натаскать, да так, что по мелочи.

Всё это он мне рассказывал, пока ставил большой, литра на три, чайник и доставал из старинного массивного кухонного шкафа на стол чашки, сахарницу и миниатюрную вазу с остатками какого-то варенья.

В прошлый раз я не обратил на этот шкаф никакого внимания, будучи полностью погружён в процесс насыщения. А вот теперь, зацепившись за него взглядом, с интересом археолога любовался причудливой архитектурой и точностью

мастера.

Мой взгляд давно упирался в серое нечто, наспех приспособленное для сносной жизни: будь то пятиэтажные панельные лачуги, ещё не сошедшие с обувных и текстильных конвейеров, но уже глубоко устаревшие обувь и одежда, лишённая архитектурных и эстетических изысков мебель. Поэтому любые проявления искусства, профессионального мастерства, необычных способностей возбуждали во мне неподдельный интерес.

Пару месяцев назад я случайно попал на выступление гипнотизёра. Той самой Ирине, что трудится в отделе крепких и не очень напитков, довольный клиент презентовал билет, наверное, надеясь продолжить знакомство, как бы невзначай оказавшись сидящим с ней рядом. Но смены у девушки не совпали. Тут я удачно подвернулся, и «довольный» Ирин клиент был вынужден провести этот вечер в моей компании.

Выступление проходило в концертном зале самой крупной концертной площадке в городе. Зал был набит до отказа, люди заняли даже проходы, усевшись прямо на широкие ступени.

Артист был неотразим: в чёрном сияющем сюртуке, белоснежной рубашке с манжетами под крупные, искрящиеся под яркими софитами запонки, изящная бабочка и проникающий, помимо воли, бархатистый баритон.

Я был заворожён его умением. Попавшие на сцену лю-

ди, включая и моего соседа, вопреки ожиданиям сидевшего теперь со мной, а не с красавицей Ириной, выполняли любые просьбы мастера гипноза, подчиняясь не только его словам, но и жестам. В зале творился настоящий хаос. Зрители хохотали и хлопали, не жалея ладоней, втайне радуясь, что не оказались на месте отправившихся испытать себя соседей.

Попав в некую энергетическую зависимость (или же это были флюиды всеобщего помешательства, выплеснутые на нас Артистом-гипнотизёром), я впервые испытал странное чувство гордости за то, что присутствую при сотворении настоящего чуда, являясь его соучастником.

Вот и сейчас, рассматривая нарядные бока деревянного шкафа, его ажурные, застеклённые настоящим витражом дверцы-створки, подогнанные так, что лезвие ножа едва ли смогло бы протиснуться меж ними, мастерски расписанные, резные, словно игрушечные детали, я искренне наслаждался явленным мне чудом.

Чай был прекрасен, наверное, как и всё, к чему прикасалась рука сухонькой революционерки.

– Ну ты и выдал, друг, – дуя на только что разлитый по чашкам тёмно-алый напиток, говорил Алекс. – Я просыпаюсь в мягкой яме, заваленный подушками и тряпьем, и первое, что я слышу – это звуки какой-то возни. То ли ползает кто-то, то ли борется. Я думаю, надо выбраться потихоньку, осмотреться. Гляжу, а ты голый на диване. Скрючило всего, морда пьяная-пьяная, а под тобой Рыжая извивается.

Саня наконец отхлебнул из чашки и, удовлетворённо хмыкнув, продолжил:

– Я думал, что пропустил всё важное, но ты меня порадовал, друг мой. Оксанка как ужаленная вскочила, вещи с пола сгребла и бежать, а меня хохот такой пробрал, что еле-еле успокоился, до сих пор дышу через раз.

Я молчал, всё так же уставившись на кухонный шкаф, словно это он рассказывал мне фантастическую, очень смешную историю, пытаюсь представить себя на месте Алекса.

– Ты когда в спортлагерь едешь? – отпив слегка остывший чай из придвинутой другом чашки, спросил я, давая понять ему, что не хочу больше говорить о пережитом позоре. – Сегодня у нас пятница, наш интернат убывает в понедельник, только пока точно не знаю, в каком расположимся – в «Спутнике» или в «Дзержинского»...

– Мы в следующий понедельник двинем, в этот ещё соревнования пройдут, – проговорил Саня, накладывая остатки сливового варенья на огромный кусок батона. – Потом ещё в диспансер съездить нужно, карту медицинскую заполнить...

Мы долго сидели на кухне, обсуждая спортивные моменты из наших богатых на них будней, и ни разу за всё это время Алекс не вспомнил произошедшее сегодня. За что я был ему безмерно благодарен.

Стрелки кухонных часов показывали половину седьмого, и я стал собираться домой.

– Сань, – начал я, обувая свои домашние тапки. – Может быть, я и зря тебя об этом прошу...

– Да брось ты, – не дал мне закончить товарищ. – Я могла. Ты и так мне сделал огромный подарок, макнув зазнайку по самое не хочу. Теперь она от меня никуда не денется.

– Ты о чём?

– Я не думаю, что после всего случившегося она захочет с тобой разговаривать. А это меня устраивает. Или ты против?

– Не знаю. Попробую ей всё же позвонить...

– Попробуй, – кивнул он в сторону ярко-красного телефонного аппарата, примостившегося на самодельной подставке у входной двери.

– Не хочу сейчас, может, завтра, – отмахнулся я, управляясь с дверной задвижкой. – Отойду сегодня, и она в себя придёт...

– Ну, ну, – закрывая за мной дверь, только и сказал Алекс.

Попав домой, я запустил полуавтоматическую стиральную машину, свалив все побывавшие в утренней переделке вещи, залив в широкое алюминиевое машинное горло подогретую на плите воду и сыпанув приличную горсть «Лотоса», отчего забурлившее в недрах стиралки месиво покрылось высокой шапкой пены. Пока вещи стирались, я всё же заставил себя поесть, отварив найденные в морозилке само-

дельные домашние пельмени.

Стирку пришлось повторить еще раз. Ягодные пятна никак не хотели отстирываться. Я добавил в новую воду «Белизны» и прополоскал с синькой. Вывешивал сушиться уже ночью на растянутых во дворе верёвках.

Сил не осталось. Мой личный спальный футляр с радостью принял в свои объятия гуляку, простив мимолётную измену с родительским диваном. Я включил телевизор только для того, чтобы создать для себя иллюзию чьего-то присутствия. Динамик тихо бормотал о каких-то перелётных птицах, что разучились находить верное, ведущее домой направление, а я, замороженный долгожданным покоем, не в силах больше шевелиться, словно парализованный, ждал, когда ацтекский бог провидения, темноты и незримого, владыка ночи, великий Тескатлипока примет меня в свои объятия.

Рыжику я так и не позвонил. Никогда больше...

Глава 8

У каждого человека есть собственная точка отсчёта. Место или места, где он появился на свет, ощутил что-то важное для себя – неотъемлемое, глубинное, то, без чего он себя не мыслит – связующее прошлое.

Предметы, события, истории, люди тесно переплетаются в начальной точке, составляя причудливые союзы, столь нужные в настоящем и безжалостно разрушающиеся в при-

дирчивом завтра. Время не терпит застоя, рождая всё новые и новые события.

Все мы – его суетливые заложники, с раннего детства захваченные идеей собственной значимости в этих событиях, жалкие былинки в безбрежном океане жизни.

«А что же в остатке?» – спросите Вы.

Красота! – Вот что заставляет меня с открытым ртом вглядываться в этот простор, изящество форм и насыщенность цветов разыгрываемых сюжетов.

(Автор).

Я проснулся и решил бежать. Направлений было два. В понедельник часть моей спортшколы отбывала в лагерь, и три недели в рваном ритме нагрузок, что бесплатно предоставлял нам вместе со спальным местом, чистым деревенским воздухом и трёхразовым питанием областной спорткомитет, давали приличное время для легального погружения на мутное, илистое дно. А что? Уехал по делам – имею право. Позор был свеж и осязаем, а нахождение в довольно узких границах с его свидетелями было для меня невыносимо.

Сегодня была суббота. Отъезд назначен тренером на понедельник, и мне казалось, что эти два дня мне просто не пережить. Я физически ощущал присутствие «опозоренной» мною девушки, скрип половиц под её ногами, порывистое дыхание, еле уловимый шепот. Бежать хотелось немедленно, поэтому я выбрал направление номер два.

Повальное увлечение «сельским» хозяйством у средней возрастной группы горожан возникло лет десять назад, когда на выделенных предприятиями, институтами, заводами, фабриками и даже воинскими частями шести сотках кто-то очень умный разрешил строительство дачных домиков.

«Скворечники» строили кто во что горазд, в соответствии с посылными возможностями их счастливых владельцев. Но было и пару ограничений, одно из них – строение должно быть одноэтажным.

Наш одноэтажный «скворечник» 4х4 метра на шести возделанных семьёй сотках обладал застеклённой террасой с кухней, плитой и холодильником, прихожей и маленькой мансардой, лишённой окна под двускатной, покрытой шифером крышей. Свет и водопровод работали с мая по октябрь – идеальное место для приюта пьяницы-нелегала.

Я достал из-под кровати свою спортивную сумку, сложил всё, что требовалось мне из одежды для «суровой» дачной жизни. Распахнув холодильник, добавил из его закромов всё то, что попало мне на глаза, включая замороженный до состояния камня отрез говяжьей мякоти килограмма эдак на три.

Закрыв на шпингалеты окна и зашторив занавески, я ещё раз оглядел комнату и, кивнув в знак удовлетворения, вышел в коридор коммуналки, прикрывая за собой дверь.

Улица встретила неожиданной свежестью, порывистым ветерком, погоняющим небесных барашков, сбившихся

в приличную отару, прикрывшую собой испепеляющую лаву летнего светила. Я с благодарностью проводил их бархатистые силуэты, цепляющиеся друг за друга в ярко-голубом поле, и, опустив взгляд, заметил знакомую фигуру.

На небольшой парковке перед зданием областного проектного института, что построили на месте точно такого же барака, как и мой, стоял Алекс, склонившийся над бело-синим крупом мотоцикла.

– Саня, привет, – крикнул я приятелю и, закинув заметно разбухшую сумку за спину, двинулся в его сторону.

– Здорово, – откликнулся друг, повернувшись и узнав меня. – Ты на тренировку или в лагерь уже собрался?

– На дачу, в ссылку. Как Ленин.

Я подошёл и пожал протянутую другом руку, слегка измазанную машинным маслом.

– Не работает? – кивнул я в сторону трёхколёсного ИЖа («Планета ЗК» – с коляской).

– Всё работает, только батарея немного подседа, – и, усаживаясь за руль синего красавца, попросил: – Толкнёшь?

ИЖ завёлся мгновенно. Мерно гремя ещё непрогретыми трубами, он ликовал, оглашая улицу весёлым рокотом.

Мы стояли рядом, наблюдая за его счастьем.

– Мальчики, привет! У вас спичек не будет?

Две девушки, пользуясь нашей увлечённостью, незаметно подобрались практически вплотную и, улыбаясь в ответ нашей растерянности, молча дожидались ответа.

– Спички – детям не игрушка, – первым ожил я, решив сарказмом отомстить девицам за короткий столбняк. Но, подумав, чтобы всё же не нарываться, с улыбкой добавил: – Нам мама спички брать не разрешает, боится, что будет как прошлый раз. Так ведь, Сань?

Спички не понадобились. Высокая и блондинистая девица с ясным и голубым взглядом, порывшись в своей сумочке, нашла зажигалку, а её темноволосая подруга, усевшись на спинку скамейки (местная «банда» припёрла её сюда из «Комсомольского» парка), закурила «Яву 100», выпустив в нашу сторону густую струю дыма, явно обидевшись на мой игнор.

– Ну и что же такого случилось прошлый раз? – повелась темноволосая фея на мой простенький приём.

– О, это отдельная тема для разговора в тесном кругу близких друзей, а мы ведь даже не знакомы, – я, сильно переигрывая, напустил серьёзности и представил сначала друга, а потом и себя.

– Кира, – шатенка.

– Лена, – блондинка.

Отозвались девицы.

– Очень приятно, – входя в образ «Князь», продолжил игру я. – Наше княжество довольно компактно, и я с уверенностью могу заметить, что нахождение столь прекрасных созданий в его границах не осталось бы незамеченным. Откуда

вы – потомки Евы?

Девчонки весело защебетали, наперебой рассказывая, как оказались в нашем городе, приехав поступать в технологический институт, выбрав только появившийся в этом году факультет дизайна. Лена была почти местной, перебравшись из области, а Кира оказалась камчадалом, что в некотором роде меня поразило, учитывая огромное расстояние между нашими городами. Обе девушки закончили в прошлом году школу и были старше нас с Алексом на три года!!! (огромная разница в нашем пацанском представлении).

– Мы вчера поступили. Сегодня решили пройтись по городу, разведали магазины, дом быта, кинотеатр. Общага рядом с институтом, а что кругом, пока экзамены сдавали, узнать было некогда.

– Друг мой Гораций, – обратился я к Алексу, с отсутствующим видом стоящему рядом. – Поможем гостям нашего славного королевства отыскать на небе и земле то, что даже и не снилось мудрецам?

Саня молчал, размазав по удивлённому лицу неестественную улыбку. Я отдувался за обоих и был этому несказанно рад, увидев в случайном знакомстве возможность реабилитироваться в глазах товарища (ну, и в собственных, чего уж скрывать, тоже).

– Ты мотоцикл заглуши, – чуть дёрнув друга за рукав, попросил я его. – Батарея, наверное, уже подзарядилась.

Тот повернулся и вытащил ключ. Стало непривычно тихо.

Но тут же Кира и Лена, будто наконец дождавшись, когда наладится забарахлившая от чего-то связь, удвоив количество срывающихся с их напомаженных губ звуков, продолжили бомбардировать наши ушные перепонки, наперебой предлагая то или иное направление «поисков».

– Так, – вклинился я в искрящийся радостью свободы вербальный поток. – Завтра утром жду вас у себя на даче. Грех не продолжить наше знакомство. С меня – вино, шашлык и зелень, с вас – хорошее настроение и пара весёлых историй из прошлой жизни. Надеюсь, у дам нет неотложных планов на завтра?

– Нам главное – до одиннадцати в общагу вернуться...

– Ну вот и славно, – снова перебил подруг я и, повернувшись к Сане, пытаюсь привлечь его внимание, быстро шепча ему в ухо:

– Моя беленькая, твоя тёмненькая, – и уже громче: – Александр, а не подбросите ли вы старинного товарища по суровой спортивной жизни к месту нашего с вами совместного завтрашнего приятного (обернувшись в сторону девушек) времяпрепровождения?

– Чего? – в недоумении отмер наконец друг.

– На дачу меня увези...

Мы ещё раз обсудили с новыми знакомыми завтрашнюю поездку, пока Саня нехотя удалялся в сторону своего двора, в котором находился его гараж, чтобы принести мотоциклетные шлемы. Обсудили время и место встречи – когда и где

их завтра будет ждать Алекс.

Новоиспеченные студентки технологического института неспешной походкой направились в сторону своей альма-матер, на прощание помахав руками Алексу, появившемуся в просвете между деревьями с надетым на голову таким же сине-белым, как мотоцикл, шлемом и ещё одним (только ярко-зелёным) в руках.

Коротко оговорив пункт назначения, я молча выслушал посвящённые моему (цитирую первоисточник) «оху*нно-му» умению «зацеплять не зацепляемое», и мы, оседлав «Планету», выдвинулись в сторону дачи.

– Чего ты мне там говорил? – поинтересовался Саня, когда мы, сняв шлемы и спешившись, стояли у ворот садового товарищества под гордым названием «Энергия – 1». – Белая, чёрная???

– Чего тут непонятного? Моя белая – Лена, твоя – Кира. Ты ведь не против...

Мне понравилась Лена. Высокая, стройная, с большими серыми глазами, светлой, по-детски наивной, в отличие от Киры – загорелой (по-своему красивой), с острыми чертами и насмешливыми цыганскими глазами, в которых сразу читались задор и опыт корсара, прошедшего в морских скитаниях не один год. Но, как это нередко случается, девушки поделили нас по-своему...

Глава 9

It's tasty – Вкусно.

It's delicious! – Очень вкусно.

The food is gorgeous! – Еда божественна!

Yummy! – Вкусняшка! (в неформальном общении)

Tastes great! – Отлично на вкус!

The food was amazing! – Еда была потрясающая!

Mouthwatering – «слюнки текут»

It's out of this world! – Божественно!

(О еде из русско-английского разговорника).

День и вечер я посвятил огороду. Долго пропалывал грядки клубники, заросшие после дождя сорной травой. Ничуть не тяготивший меня механический труд давал возможность обдумать происходившее со мной.

Ещё вчера я, пьяный в дрова, «терзал» на родительском диване Рыжика, а уже сегодня – зазываю в гости взрослых девиц, подспудно размышляя об их визуальной привлекательности. Странно всё это.

– А что, напиться и забыться, – вслух высказал я вертевшийся на языке тезис, отвечая внутреннему Я на его душевные терзания. Но внезапно ощутив во рту сладковатый привкус рябиновой настойки, тут же скривился, испытав рвотные позывы.

– Кстати, – переборов напасть, продолжил я общение. – А чем я буду кормить и поить завтрашних гостей? Ладно, еда. Мяса на шашлык хватит с запасом, нужно только гра-

мотно его замариновать. С овощами на салат тоже проблем не предвидится, огурцы и зелень на грядках в избытке, я даже заметил пару помидоров, прилично побуревших на жарком сибирском солнце. А что делать с обещанным компанией вином? Но и здесь я думаю, что выкручусь.

В доме имелся крошечный погреб, в котором родители хранили «ценный» дачный скарб (погружной насос, удлинитель, инструмент и т.д.), не без основания опасаясь вездесущих любителей прибрать то, что плохо лежит. Именно из этого «сейфа» как-то раз отец доставал пару бутылок, когда его приятели решили без предупреждения почтить своим присутствием нашу скромную загородную резиденцию.

Я был почти уверен, что ничего не изменилось и винные запасы хранилища пополнены заботливой рукой родителя. Но проверить стоило.

Другое дело – богатство красок на столе. Почему-то хотелось удивлять.

Поднявшись с небольшой, специально сколоченной для прополки скамеечки, я собрал поверженные мной сорняки в большое эмалированное ведро и принялся осматривать налившиеся алым цветом ягоды клубники. Кажется, и вопрос с красками на столе был решён.

Я всё же проверил «винный подвал», приподняв длинную и увесистую доску, ничем не отличимую от своих соседок по полу. Найденное «богатство» не разочаровало. Две бутылки домашнего коньяка и литровая бутыл, заплетённая

тонким прутом, который я так и не смог открыть (пробка была глубоко утоплена в узком и длинном горлышке).

– Посмотрим, как ты завтра со штопором поспоришь, – укладывая всё это богатство на место, озвучил я ехидную угрозу. – Веселье обеспечено, займёмся мясом.

Блюда из мяса – серьёзное испытание для любого повара, а блюда из говядины – испытание вдвойне.

Год назад я уже имел позорный опыт, превратив отменное мясо в угольные сухарики, вцепившиеся в шампур мёртвой хваткой. Я люблю готовить, но этот случай надолго заставил меня отказаться от говядины в шашлыке, пока в нашу борцовскую семью не влился Мамука (мастер спорта по борьбе, приехавший поступать в наш институт физкультуры из братской Грузии).

Красавец и большой шутник, чьё имя означает – восход солнца, владел волшебным секретом приготовления мяса. После долгих уговоров и десятков анекдотов, хотя больше ему нравились короткие стишки-страшилки типа:

Девочка Маша купаться пошла,

Долго купалась, на утро всплыла.

От которых потомок царей Имерети забавно хохотал, трясясь всем телом, словно в припадке, наконец, оттаял и взял меня на один из семейных праздников, где я был посвящён в магический процесс создания настоящего шашлыка из говядины. **ВОТ ЕГО ОСНОВЫ:**

Кавказский сочный шашлык.

Глава первая. Выбор

Во времена Союза купить приличное мясо для углей было практически невозможно. Его доставали. В специальных продуктовых секциях, на рынке, пользуясь тесными, чуть ли не семейными связями с поставщиками, продавцами, рубщиками, те, что имела моя мама, будучи профсоюзным лидером на своём предприятии (парная телятина считалась и вообще чем-то из области мифов).

Итак: Мясо.

Оно должно быть созревшим, желательно охлаждённым. Выгодней закупать толстый и тонкий край на кости, не переплачиваем и получаем бонус в виде отменного бульона для борща или солянки (каждый хозяин накрывает свой стол, поэтому кто-то и вырезку за мясо не считает).

Глава вторая. Подготовка

К сожалению, большинство из нас понятия не имеет, чем, где и когда занималось животное до забоя. А это имеет огромное значение, ведь влияет на структуру, аромат и вкус мяса.

Размороженное, охлаждённое мясо не нужно замачивать, лишняя влага нам не нужна. Обмываем холодной водой, кушаем в полотенце, сушим.

Острым ножом снимаем мясо с кости и удаляем плотные жилы. Затем аккуратно срезаем соединительную ткань, кусочки филе снова сушим.

Нарезка тоже немаловажна. Куски должны быть аккурат-

ными брусочками, со сторонами четыре на пять сантиметров.

Глава третья. Посолочная смесь

Готовим посолочную смесь из соли и сахарного песка, 50/50, соль лучше брать каменную, ни в коем случае не берите йодированную, она не подходит.

На один килограмм филе говядины понадобится 30 г посолочной смеси, обсыпьте ей говядину, неважно, целые у вас куски или уже порционно нарезанные, на этом этапе главное, чтобы говядина была хорошо зачищена и максимально обсушена.

Перемешиваем в посолочной смеси брусочки и накрываем крышкой.

Важно:

Пластиковые контейнеры использовать для выдержки нежелательно, в них можно хранить уже замаринованный шашлык и то недолго. Посуда из алюминия тоже не подойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.